

УДК 599.735.51(086.3)“17/19”

БЕЛОВЕЖСКИЙ ЗУБР (*BISON BONASUS BONASUS*) КАК МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.А. Федотова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Университетская наб. 5/2, 199034 Санкт-Петербург, Россия; e-mail: anastasia.env.hist@gmail.com

РЕЗЮМЕ

На основе анализа архивных документов (главным образом из Санкт-Петербургских фондов) в статье обсуждается беловежский зубр (*Bison bonasus bonasus*), как экспонат зоологических музеев в XVIII – начале XX вв. Это крупнейшее из сохранившихся млекопитающих Европы к раннему новому времени было истреблено на большей части своего ареала. В XVI–XVIII вв. зубр имел статус диковинки, считался исключительно королевской дичью и дорогим подарком. В XVIII в. останки зубров из императорских зверинцев попадали в зоологические кабинеты, где становились объектом изучения натуралистов. К концу XVIII в. единственная из сохранившихся популяций равнинных зубров – беловежская – оказалась в границах Российской империи. Внимание царской семьи, сохранившей систему охраны зубров и леса, где они обитали, обеспечило выживание вида до Первой мировой войны. Развитие зоологии и возрастание значимости естественнонаучных коллекций привели, в свою очередь, к тому, что беловежский зубр в это время обрел новый статус – подарка русского царя научному сообществу. Чтобы получить такой ценный подарок, научное сообщество должно было использовать дипломатические и бюрократические каналы, рекрутировать натуралиста для путешествия в Пуцу, организовать охоту, обработать шкуру и кости и доставить этот массивный груз в музей. Тем не менее основная часть запросов от европейских и российских натуралистов удовлетворялась, и большинство зоологических коллекций в XIX в. получили зубра в виде чучела, скелета или, по крайней мере, черепа. Превращение кунсткамер XVII–XVIII столетий в исследовательские зоологические учреждения и развитие таксидермии шло параллельно с трансформацией и зубра как музейного экспоната: его чучела становились анатомически точными, в экспозициях стали появляться биогруппы, а в некоторых собраниях – обширные коллекции для сравнительного изучения. Наличие зубров почти во всех крупных европейских музеях сделало вид хорошо узнаваемым публикой. В 1919 г. последний беловежский зубр был убит в дикой природе, но популярность этого вида помогла реинтродукции животного. В настоящее время «старые» музейные экспонаты представляют интерес не только с исторической точки зрения, но и как источник образцов для генетических исследований.

Ключевые слова: Беловежская пуца, естественно-исторические музеи, зоологические коллекции, история зоологии, *Bison bonasus bonasus*

BISON BONASUS BONASUS AS A MUSEUM EXHIBIT IN THE 18th – EARLY 20th CENTURIES

A.A. Fedotova

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, Universitetskaya Emb. 5/2, 199034 Saint Petersburg, Russia; e-mail: anastasia.env.hist@gmail.com

ABSTRACT

The paper discusses the Białowieża bison (*Bison bonasus bonasus*) as a museum exhibit in the 18th – early 20th centuries, basing on the analysis of archival documents, mainly from St. Petersburg. One of the last remnants of extinct megafauna once roaming through Europe, by the Early Modern time it had been eliminated in the most part of its

previous range. In the 16th – 18th century, it had the status of a natural curiosity and an exclusively royal game. In the 18th century, the carcasses of the European bison from the imperial menageries went into the cabinets of curiosities where they became the objects of study for naturalists. By the late 18th century, the last population of the European lowland bison had survived in Białowieża Primeval Forest, which became a part of the Russian Empire with the Third partition of Poland. The attention of the Imperial family, which preserved the system of protection of the European bison and the forest where they lived, ensured the survival of the species till WWI. The development of zoology and zoological collections provided a new status to the Białowieża bison – the status of a valuable gift of the Russian Tsar to a scientific community. To receive such a precious gift, a scientific community had to use its diplomatic and bureaucratic channels, to recruit a naturalist willing to travel to Białowieża, to organize a hunt, to process the skin and bones, and finally, to deliver this massive package to a museum. Nevertheless, throughout the second half of the 19th century, most requests made by European and Russian naturalists were granted and the majority of zoological museums received the European bison from Białowieża, either in form of a stuffed animal, a skeleton, or at least a skull. The transformation of the 17–18th century *Kunstkammern* into research zoological institutions and the development of taxidermy went in parallel with the transformation of the European bison as a museum exhibit. Stuffed animals became anatomically accurate; new expositions included habitat groups, and some institutions amassed extensive collections for comparative study. The presence of the European bison almost in every major European museum made them well known for wider public. In 1919, the last Białowieża bison was killed in the wild, but the popularity of this species helped the restitution of the animal. Nowadays, the “old” specimens are of interest not only from a historical point of view, but also as a source of samples for genetic research.

Key words Białowieża Primeval Forest, natural history museums, zoological collections, history of zoology, *Bison bonasus bonasus*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время европейский зубр, *Bison bonasus* (Linnaeus, 1758), является одним из самых узнаваемых широкой публикой млекопитающих Старого Света. Один из последних представителей мегафауны, когда-то распространенный почти по всей Европе, к раннему новому времени он выжил только в глухих лесах Средней и Восточной Европы. К концу XVIII в. последняя популяция равнинных зубров сохранялась только в Беловежской пуще (далее – БП; ныне располагается на границе Белоруссии и Польши), но и здесь зубры были уничтожены к 1919 г. (Krasinska and Krasinski 2013a). Усилиями международного сообщества активистов и зоологов зубр вернулся в дикую природу (De Bont 2017) и продолжает оставаться объектом интереса исследователей, природоохранных организаций и широкой публики.

В XVIII – начале XX столетия зубр уже становился объектом изучения натуралистов, привлекал внимание путешественников и писателей. Уже тогда научное сообщество волновали различные вопросы, связанные с зубром, прежде всего его таксономическое положение и родственные отношения с другим видами быков. Для широкой публики (и для музеев, которые хотели привлечь

широкую публику) зубры были интересны, так как они сочетали в себе привлекательные черты «отечественного» и «экзотического» вида. Легендарный зверь, на которого охотились короли и герои былых времен, имеет «дикий», «первобытный» вид¹ (здесь и далее комментарии см. Приложение 1): он очень крупный и крайне редкий. Последние две особенности, увеличивая ценность зубра, делали получение подобного экспоната очень сложным предприятием даже для крупных музеев: сложности получения зубра сравнимы с получением экспоната из экзотических стран.

Архивные фонды хранят документы, описывающие эти трудности, и показывают значение зубра как экспоната для музеев и натуралистов в XVIII – начале XX вв. Основными источниками информации для этой статьи являлись Санкт-петербургские архивы, прежде всего Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН), каталоги и книги поступлений Зоологического института РАН. Были использованы и сведения из других архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы и Гродно. В связи с этим повествование строится главным образом вокруг экспонатов, которые теперь находятся в зоологических кол-

лекциях бывшей Российской империи и, прежде всего, ЗИН РАН.

В этой статье освещается только история музейных экспонатов подвида *B. bonasus bonasus* (Linnaeus, 1758); наше повествование не включает в себя обсуждение *B. b. caucasicus* (Satunin, 1904), поскольку это – другая история, лишь эпизодически пересекающаяся с историей зубров из БП.

Как свидетельствуют археологические и палеонтологические находки, европейский зубр когда-то был распространен по значительной части Европы, скорее всего, обитая на обширных равнинах и в долинах рек (Bocherens et al. 2015). К раннему новому времени человек вытеснил его в лесные массивы Центральной и Восточной Европы. На большей часть Европы зубр уже считался легендарным, мифическим зверем или, в лучшем случае, природной диковинкой. Хотя зубры были описаны в работах некоторых натуралистов и путешественников эпохи Возрождения и раннего Нового времени: Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566; Рис. 1), Конрада Геснера (1516–1565), Улисса Альдрованди (1522–1605), Яна Йонстона (1603–1675), этот вид не был хорошо известен в литературе XVI–XVII вв. Только в XVIII, а особенно в XIX столетии зубр привлек широкое внимание натуралистов (Daszkiewicz et al. 2004, 2012a).

В раннее новое время этот вид считался исключительно королевской дичью. Живой зубр или его чучело имели статус природной диковинки и дорогого монархического подарка. В 1416 г. поль-

Рис. 1. Изображение зубра из труда Герберштейна “*Rerum Moscoviticarum Commentarii*” (Herberstein 1549: 82).

Fig. 1. An image of a European bison from “*Rerum Moscoviticarum Commentarii*” (Herberstein 1549: 82).

Рис. 2. Самка зубра. А. Дюрер, предположительно 1501 г. (Коллекция British Museum © Trustees of the British Museum).

Fig. 2. A female European bison by A. Dürer, circa 1501 (The collection of British Museum. © Trustees of the British Museum).

ский король Владислав Ягелло отправил живого зубра Сигизмунду Люксембургскому, императору Священной Римской империи, что положило начало долгой традиции использования зубров в качестве своеобразного дипломатического подарка. Подарок другому императору Священной Римской империи, Максимилиану I, запечатлел в 1501 г. Альбрехт Дюрер в Нюрнберге (Рис. 2). Несколько живых зубров Сигизмунд II Август, великий князь литовский и король польский, подарил Максимилиану II в 1568 г. (Samojlik and Jędrzejewska 2010). Папа римский Лев X, известный своей страстью к экзотическим животным, просил у польского короля чучело зубра, но умер в 1521 г., не дождавшись подарка. Зубра должна была дополнять поэма, написанная Николаем Гусовским (поэма в итоге была преподнесена посвящена польской королеве Боне Сфорце). Эта поэма содержит сведения о зубрах, описание лесов, где они обитают, и о мерах их охраны, например, о запрете охоты на зубриц (Hussowski 1523). Традицию в XVIII в. продолжил король Пруссии Фридрих Вильгельм I (Hagen 1819), а в XIX – начале XX в. – русские цари, о чем и будет рассказано в данной статье.

ЗУБРЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ XVIII В.

В XVIII в. последней местностью, где сохранилась большая популяция равнинного зубра, была Беловежская пуца – охотничьи угодья польских

королей и литовских великих князей. Запрет на крупные лесозаготовки и многовековая система традиционных лесопользований в БП (в первую очередь – сенокосение на лесных полянах) привели к созданию непреднамеренной практики подкормки зубров. Сенокосения улучшали кормовые условия для зубров, тем более, что сено могло оставаться на лесных полянах значительную часть зимы. Документы подтверждают существование такого лесопользования в БП по крайней мере с XVI в., однако, скорее всего, оно существовало и значительно ранее. В 1700 г. королевские чиновники, отправленные в БП из Варшавы для оценки леса, сделали эту систему обязательной: арендаторы должны были оставлять часть сена на полянах для подкормки зубров. Во второй половине XVIII в. в БП была введена система ежегодного подсчета

зубров по первому снегу (Samojlik 2007; Samojlik and Jędrzejewska 2010).

Первое подробное описание зоологическое описание зубра выполнил Луи Жан Мари Добантон (1716–1799), соавтор Бюффона и первый директор Национального музея естественной истории (*Muséum national d'histoire naturelle*, далее – MNHN) в Париже (Daubenton 1754). Точное происхождение скелета, по которому Добантон сделал описание, неизвестно; отмечается только, что он хранился в коллекции MNHN в течение долгого времени. Известно, что в Версальском королевском зверинце жили, по крайней мере, два зубра. Вероятнее всего, их останки, переданные в Кабинет естественной истории, впоследствии преобразованный в MNHN, и послужили материалом для Добантона (Millot 1945).

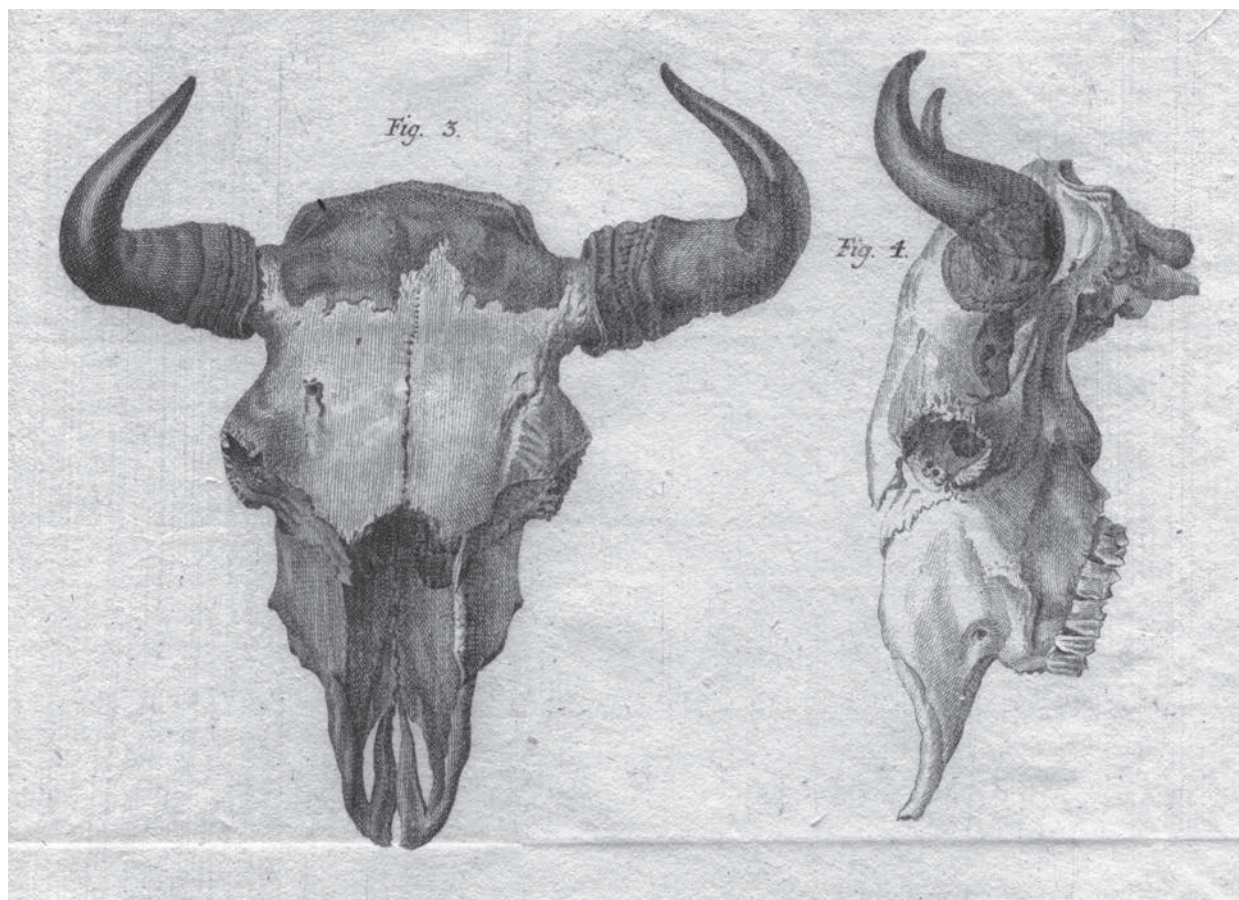

Рис. 3. Череп зубра, полученного Кунсткамерой ИАН в 1739 г. (Pallas 1769: figs. 3, 4).

Fig. 3. The skull of the European bison acquired by the Kunstammer of the Imperial Academy of Science in St. Petersburg in 1739 (Pallas 1769: figs. 3, 4).

Карл Линней включил зубра в состав рода *Bos* – *B. bonasus*. В своем описании (слишком кратким, чтобы быть ясным) Линней ссылается на Джона Рэя и Яна Йонстона. В отношении региона обитания вида его описание просто ошибочно, так как указывает на Африку и Азию. В сравнимом по краткости описании *Bos taurus* Linnaeus, 1758, указано “habitat in Poloniae”, имеются ссылки на Гесснера, Альдрованди, Рэя, Йонстона и мемуары Цезаря (Linnaeus 1758: 71). Можно предположить, что Линней не видел зубра и, подобно многим современным ему авторам, путал сведения о нём со сведениями о предке крупного рогатого скота, но все же рассматривал их как два отдельных вида². Т. Олдфилд, пытавшийся установить места хранения типовых экземпляров видов млекопитающих, описанных Линнеем, для зубров этого сделать не смог (Oldfield 1911), что можно считать косвенным аргументом в пользу такого предположения.

Натуралисты Императорской академии наук (далее – ИАН) в Санкт-Петербурге получили материал для изучения зубра также еще в XVIII в. В 1739 г. самец и самка, одни из последних представителей прусской популяции зубров, истребленной к 1755 г., были подарены прусским королем Фридрихом Вильгельмом I в зверинец Анны Иоанновны (Hagen 1819). Той же осенью оба зубра пали, а их останки были отправлены в Кунсткамеру ИАН. Там зубры были препарированы академиками Иоганном Дювернуа, Иоганном Вильде и прозектором Мартином Клейнфельтом. Об этом сохранились некоторые документы, как и о приглашении художника для изображения зубров, и о набивке двух чучел (Сухомлинов [Sukhomlinov] 1887: §§ 324, 334, 338, 362)³. Чучело зубра (только одно) упоминает первый каталог Кунсткамеры (*Musei Imperialis ...* 1741), а вслед за ним – работы, обсуждающие историю зоологических коллекций Кунсткамеры (Серебряков [Serebriakov] 1936; Заславский [Zaslavsky] 1979 и др.). Чучело, вероятно, не пережило пожар Кунсткамеры 1747 г. и последующие за этим перемещения коллекций⁴, однако черепа до сих пор хранятся в Остеологическом отделе ЗИН РАН. Описание, изображение и промеры одного из них (череп самца; в каталоге № 8943) приведено в работах П.С. Палласа. Именно этот череп Паллас использовал для сравнения с «гигантским» (*gigantea*) черепом быка, найденным Иоганном Гмелиным в окрестностях Илгинского

острога во время путешествия по Сибири (Pallas 1769, 1777; Рис. 3). Паллас объяснил, что для сравнения с сибирским ископаемым черепом он выбрал самый крупный череп из имевшихся в коллекции Кунсткамеры ныне живущих быков.

ЗУБРЫ В МУЗЕЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В 1795 г., после Третьего раздела Речи Посполитой, Беловежская пуца оказалась в границах Российской империи. Система защиты леса и его дичи, созданная в польско-литовское время, прекратила свое существование, а часть леса была передана в частные руки и вырублена. Более трехсот семейств лесной стражи были превращены в обычных государственных крепостных крестьян (Карцов [Karcov] 1903). К счастью, местная администрация понимала ценность зубров и была заинтересована в сохранении как их самих, так и леса, в котором они обитали. Литовско-Гродненский обер-форштмейстер Бекман писал губернаторам, что для «сбережения столь редких зверей от битья и голоду» необходимо срочно принять меры, так как их истребляют соседние помещики и «пруссские стрельцы, приходящие тайно для сего из-за границы». «Сверх того, уменьшилось число оных зверей и по той причине, что сберечь их и приготовить сено некому», продолжал он⁵. Эта информация дошла до Санкт-Петербурга не позднее апреля 1802 г., а 10 сентября 1802 г. специальным указом Александр I запретил охоту на зубра и распорядился вернуть семейства Беловежской лесной стражи к их первоначальным обязанностям по охране леса, дичи и заготовке сена, которые они исполняли «при польском правительстве»⁶.

В начале XIX в. запрет на охоту на зубров соблюдался настолько строго, что создавал препятствия для натуралистов, пытавших получить зубров для исследовательских целей. В 1803 г. Виленский университет (ныне – Вильнюс, Литва) просил разрешить отстрел одного старого зубра для своего зоологического кабинета. Александр I в ответ на эту просьбу распорядился найти животное, погибшее от «естественных причин», и сделать из него скелет и чучело для музея (Sławiński 1931). В письмах беловежской лесной администрации, отправленных в последующие годы в Санкт-Петербург, есть упоминания о мерт-

вых зубрах, найденных в лесу, с указанием, что их шкура и кости уже пришли в плохое состояние⁷. Надо полагать, что такие сообщения были реакцией на распоряжение Александра I.

В 1819 г. Виленский университет сделал новый запрос о пополнении своего «значительного зоотомического кабинета» «породой дикого буйвола (*bison ou boeuf sauvage*)». Профессор Людвиг Боянус⁸ писал в Санкт-Петербург, что зверь этот «рано или поздно вовсе истребится, и если следы сего редкого в Европе и почти нигде в других местностях не водящегося животного не сохранятся для пользы естественных наук, то иностранные естествоиспытатели, конечно, не без основания будут обвинять [...] Виленский университет в непростительной по сему случаю беспечности»⁹. Высочайшее разрешение на охоту было дано, и в январе 1821 г. в БП был командирован помощник зоотомического кабинета Генрик Лаупман¹⁰. На специально организованной охоте были убиты два зубра: самец и самка. Кроме того, Виленский университет получил из БП кабана, лося, дикую козу и «значительной величины черного медведя»¹¹.

Интерес зоологов первой половины XIX в. и, в частности Боянуса, к зубру связан прежде всего с развитием сравнительной остеологии и дискуссией о европейских быках: зубре и туре. Хотя многие авторы признавали существование двух отдельных видов, в описаниях этих быков существовала путаница (см., к примеру: Hagen 1819). В 1809 г. Марсель де Серр (*Marcel de Serres*, 1783–1862), путешествовавший по заданию Наполеона по Австрии под титулом *d'inspecteur des sciences* (фактически он занимался промышленным шпионажем), сделал промеры зубра из зверинца в Шёнбрунне. После смерти животного, вероятно, именно его останки оказались в MNHN (Daszkiewicz and Samojlik 2014). В эпоху Наполеона коллекция MNHN обогатилась еще одним чучелом, ныне называемым «наполеоновский зубр» (Рис. 4). Эти экземпляры, как и ранее упомянутые зубры MNHN из зверинца Версаля, стали предметом подробного анализа Ж. Кювье в его «*Recherches sur les ossements fossiles*» (Cuvier 1812). Кювье сравнил скелеты европейского зубра и американского бизона со скелетом тура, а также данными из литературных источников, в частности с рисунками и измерениями Палласа (Pallas 1769, 1777). Работа Кювье, впрочем, оставила открытыми ряд вопросов.

Рис. 4. «Зубр Наполеона» из коллекции MNHN. Фото П. Дашкевича.

Fig. 4. The “Napoleon’s European bison” in the collection of the MNHN. Photo by P. Daszkiewicz.

Получив зубров из БП, Боянус приложил все усилия для того, чтобы скелеты и чучела были смонтированы с максимальной точностью. В работе, законченной уже после ухода из Виленского университета и изданной посмертно, он привел подробное описание зубра с тщательными рисунками (Vojanus 1827). Как и некоторые другие натуралисты того времени, Боянус сомневался в том, что предок крупного рогатого скота дожил до исторического времени: по этой причине некоторые авторы считали, что «зубр» и «тур» – это два названия одного животного. Проанализировав литературу (в том числе: Pallas 1769, 1777; Cuvier 1812) и остеологический материал, доступный в Вильне и некоторых немецких музеях (полный скелет, извлеченный из торфяных отложений и хранившийся в Йене; череп из Дармштадта и пр. – см. подробнее Roskosz and Empel 1965), Боянус описал два вида вымерших быков: предка крупного рогатого скота – тура (*Bos primigenius* Vojanus, 1827) и предка современных зубров – степного зубра (*Urus priscus* Vojanus, 1827), в современной номенклатуре – *Bison priscus*. Дискуссия о туре и зубре, впрочем, продолжалась до 1878 г., когда Август Вжеснёвский (1836–1892), как считается, окончательно доказал обособленность этих двух видов (Wrześniowski 1878). Это не означало, однако, прекращения таксономических дебатов: обсуждение таксономического положения современных и вымерших быков, равно

как и европейских и американских видов и подвидов рода *Bison*, продолжалось и в XX в. Новые методы и новые данные, к примеру, полученные от генетического анализа фоссильного и субфоссильного материала, дают новые импульсы этим дискуссиям и сегодня (см. Voeskorov et al. 2016 и др. работы).

В сентябре 1821 г. и феврале 1823 г. в БП дважды приезжал главный лесничий Царства Польского Юлиус фон Бринкен, в том числе для того, чтобы убить двух зубров – самца и самку для Варшавской лесной школы (Brincken 1826)¹². Осенью 1824 г. было получено царское разрешение на отстрел еще двух зубров для Варшавы – в этот раз для Зоологического кабинета Варшавского университета¹³, но охота, вероятно, не состоялась, так как в 1829 г. Варшавский зоологический кабинет снова просил зубров (о них – так называемых зубрах Яроцкого – см. ниже).

Зимой 1823–1824 г. по разрешению Александра I был убит зубр для Санкт-Петербургской Кунсткамеры (Вајко 2004)¹⁴. Этот зубр оказался особенно полезен в 1836 г., когда петербургские зоологи впервые получили надежные доказательства существования кавказского зубра, – шкуру, посланную генералом Г.В. Розеном¹⁵. Карл фон Бэр сравнил эту шкуру с чучелом зубра, имевшимся в зоологической коллекции ИАН, и пришел к выводу, что беловежского и кавказского зубров следует относить к одному виду (Ваг 1836). Статья Бэра интересна и в другом аспекте: анализируя ранние свидетельства о существовании кавказского зубра и объясняя недоверие некоторых зоологов к этим свидетельствам, Бэр обсуждал уровень «сравнительной остеологии» в XVIII в. Бэр высказал мнение, что натуралисты XVIII в., в частности Иоганн Гюльденштедт, который видел на Кавказе черепа каких-то быков (современных или субфоссильных), не могли надежно отличить череп зубра от черепов близких видов¹⁶.

Итак, в более поздний период своего царствования Александр I удовлетворял просьбы музейщиков более благосклонно, а после 1825 г. (с началом царствования Николая I) практически все ходатайства музейщиков о зубрах получали положительный ответ. По крайней мере, нам пока не известно ни одного документа с прямым отказом. В некоторых случаях Николай I, сам, как известно, не бывший большим любителем охоты (см. к примеру: Кутепов [Kutepov] 1911) давал разрешения на отстрел

зубров в БП представителям элиты, которые хотели стать участниками этой чрезвычайно редкого события. Информацию из литературных источников о том, что аристократы или чиновники верхнего эшелона власти охотились на зубров (Карцов [Karcov] 1903; Вајко 2004), подтверждают архивные документы о работе таксидермистов с трофеями этих охот. Например, А. Шустер в 1844 г. делал чучело из зубра, убитого принцем Вильгельмом Гессен-Кассельским¹⁷. Зимой 1847–1848 гг. в охоте на зубров принял министр государственных имуществ П.Д. Киселёв (см. об этом в следующем разделе).

Данные о количестве зубров, убитых в XIX в. по царским разрешениям, собранные из разных источников, подтверждают, что количество охот, совершенных с научными целями (для получения скелета и / или чучела для музея), преобладало над аристократическими охотами, разрешенными исключительно с «трофейной» целью. Согласно нашим подсчетам в период с 1802 г. (после указа Александра I о запрете на охоту) до 1859 г. (до первой царской охоты в 1860 г., о которой будет сказано в специальном разделе этой статьи), только восемь зубров были убиты с «трофейной» целью; для музейщиков их было убито 30 (Samojlik et al. 2017: 344). Таким образом, из дорогого подарка монархов раннего нового времени зубр превратился в подарок русского царя международному научному сообществу, т. е. объект, еще более ценный с сегодняшней точки зрения. Многие авторы XIX в. предполагали, что зубр обречен на вымирание, и музеи (как и в уже описанном случае Виленского университета) спешили получить такой экспонат (см. также: Dolmatov 1848; Карцов [Karcov] 1903).

Чтобы получить этот ценный объект, зоологи должны были, используя дипломатические и бюрократические каналы, получить царское разрешение, затем рекрутировать охотника-натуралиста, желавшего поехать в БП, договориться об организации охоты с местными властями, убить зубра, обработать кожу и кости и, наконец, доставить массивную упаковку в музей. В целом это была сложная и дорогостоящая процедура, сопровождавшаяся бюрократическими трудностями.

В связи с тем, что зубр имел исключительный статус животного, охота на которого была запрещена царским указом, приобретение экспоната для музея или университета начиналось с полу-

чения «высочайшего» разрешения на отстрел. Бюрократическая процедура была формализована в 1847 г.¹⁸ и выглядела следующим образом. Российский музей должен был сначала обратиться в свою «вышестоящую организацию» – в случае с университетскими музеями это было Министерство народного просвещения (далее – МНП). После этого МНП обращалось в Лесной департамент Министерства государственных имуществ (далее – МГИ, ведомство, курировавшее казенную собственность, включая леса и, в частности, БП). Затем Лесной департамент МГИ делал представление министру государственных имуществ. Представители зарубежного музея обращались к послу или консулу своей страны в Санкт-Петербурге, а последний – к министру иностранных дел. Министр иностранных дел писал министру государственных имуществ. Последний подавал прошение царю. Затем бумага следовала вниз по бюрократической лестнице по двум каналам: через Министерство внутренних дел к губернатору, а от него – к местной полиции, а через МГИ – к местной лесной администрации. Местное лесное управление и полиция должны были подготовить охоту, которая была довольно сложной и дорогой, поскольку в качестве загонщиков, как правило, задействовали несколько сотен местных жителей (иногда до тысячи), чтобы выбрать подходящий экземпляр, чаще всего – крупного самца, а также проконтролировать, чтобы гости не убили больше разрешенного числа животных¹⁹.

Обычно охоту проводили в конце осени – начале зимы, чтобы зубр был «во всей красе», т. е. в хорошем зимнем наряде. Кроме того, зубра по снегу проще выследить. Соответственно, более ранний запрос часто приходилось откладывать до ноября или декабря. Существенной проблемой была обработка шкуры и костей. Это означало, что в дополнение к опытному охотнику, отправленному в БП, каждый музей должен был отправить таксидермиста, имеющего опыт работы с крупными животными. Таксидермисты приезжали из Киева, Вильны, Варшавы или из Санкт-Петербурга. Железная дорога до Беловежи была построена только в 1897 г., а до этого путешествие было неудобным, долгим и дорогим. Особенно проблемной была доставка скелетов и шкур. Все эти трудности прекрасно видны на примере охот зимой 1847–1848 и осенью 1860 гг.

ПОЛУЧЕНИЕ ЗУБРОВ ДЛЯ ЗМ ИАН В 1847–1848 ГГ.

Охота (точнее, охоты) зимой 1847–1848 г. интересны по ряду причин. Во-первых, тогда в Беловежскую пушу приезжал один из самых известных натуралистов Российской империи XIX в. – Александр фон Миддендорф²⁰. Во-вторых, в процессе получения зубров произошел ряд бюрократических накладок, из-за чего от этих охот сохранилось значительное количество документов. В-третьих, есть основания полагать, что охота на зубров для Зоологического музея Императорской академии наук (далее – ЗМ ИАН) не была спонтанным решением: изучение переписки главы музея Ф.Ф. Брандта²¹ заставляет предположить, что Брандт расширял коллекцию музея по продуманному плану. Так, примерно в то же время (в конце 1847 г.) Зоологический музей получил специально заказанный скелет и шкуру буйвола²². В-четвертых, желание Брандта получить беловежского зубра хорошо отвечало общему подъему интереса к зубру и Беловежской пуше в эти годы. В 1845 г. Николай I подарил Британскому музею естественной истории чучело и скелет (Vajko, 2004). В следующем (1846) году были пойманы три пары зубров: для Лондонского зоопарка, а также для постановки опытов доместикации и гибридизации в Гродненской губернии и под Санкт-Петербургом (Dolmatov, 1848; Daszkiewicz et al., 2012b).

В начале 1847 г. ЗМ ИАН рассматривал возможность получить уже имеющееся чучело зубра, которое был готов пожертвовать один из покровителей ЗМ ИАН из Вильны²³. После переговоров, однако, было решено, что для ЗМ ИАН необходимо убить новое животное. Вполне возможно, что экземпляр из Вильны не удовлетворял высоким требованиям Ф.Ф. Брандта, ставившим цель не просто расширить коллекцию ЗМ ИАН, но и создать базу для первоклассных таксономических, остеологических и морфологических исследований (Брандт [Brandt] 1865)²⁴. Весной 1847 г. Брандт сделал запрос на зубровую охоту в Пуше через МНП. План Брандта состоял в том, чтобы эффективно использовать ограниченные ресурсы ЗМ ИАН. Чтобы получить максимальную выгоду от поездки зоолога, Брандт просил разрешения убить трех животных. Два чучела (самца и самки) и один скелет украсили бы экспозицию музея, а

два других скелета и третье чучело поступили бы в обменный фонд музея, чем компенсировали бы расходы²⁵. Препараторы ЗМ ИАН под надзором Брандта должны были изготовить чучела и смонтировать скелет²⁶. Вскоре выяснилось, что один из натуралистов ИАН – Александр фон Миддендорф – планировал поездку в Европу с целью поправить здоровье, пошатнувшееся после его сибирской экспедиции. Миддендорф как страстный охотник, был рад заехать в БП, поохотиться на зубра, провести анатомические исследования и обработать шкуру и кости для отправки в Санкт-Петербург.

МГИ, рассмотрев ходатайство, напомнило, что Академия получала зубра в 1824 г.²⁷ и предложило объяснить, почему требуются новые. Брандт отвечал, что в начале 1830-х гг., когда он взял на себя обязанности главы ЗМ ИАН, старое чучело зубра «найденно было им в весьма испорченном состоянии, да вообще худо набитым, так что при переводе ЗМ в новое помещение (АФ: из здания Кунсткамеры в так называемый Музейный флигель Академии наук²⁸) он должен был решиться оставить его вместе с другими негодными экземплярами чучел больших зверей в старой Кунсткамере, дабы не подвергнуть неминуемой порче другие породы, которыми тогда быстро пополнялся Музей трудами искусного препаратора Шрадера²⁹. «Несмотря на все меры предосторожности, волос на чучеле зубра вскоре вовсе был истреблен разрушительным действием моли и червей, так что ныне решительно Музей Академии лишен сей важной породы отечественной фауны, тогда как не только другие музеумы в Империи – Киевского, Варшавского, Казанского, Московского университетов, здешней Медико-Хирургической академии³⁰, но даже Прусские университеты и Музеумы Лондонский, Копенгагенский и другие снабжены превосходными свежими образцами Беловежского зубра», добавлял Брандт³¹.

План получения зубров, разработанный зоологами ИАН, был хорошо продуман, но вмешались представители МГИ и МНП. МНП распорядилось, чтобы в БП ехал Август Шустер, препаратор университета Св. Владимира в Киеве. Шустер был выбран в связи с тем, что он уже имел опыт набивки чучела зубра в 1844 г.³² Решение о его командировании было принято без предварительной договоренности с университетом и ИАН (хотя ехал он за счет последней). Министр

государственных имуществ граф П.Д. Киселёв также испросил у царя разрешение убить еще двух зубров «во избежание издержек на производство каждый раз особой охоты на зубра и на особую командировку для набития чучел опытного в сём деле чиновника». Киселёв распорядился, чтобы Шустер из двух «дополнительных» зубров смонтировал чучела и оставил их в Гродненской палате государственных имуществ «на случай Высочайшего повеления об отпуске кому-либо таковых зубров». Кроме того, Киселёв предписал Гродненской палате «избрать из числа служащих в тамошней губернии двух-трех более способных лесных офицеров и условиться с г. Шустером об обучении их искусству набивать чучела зубров»³³.

Ни ИАН, которая должна была нести дополнительные расходы, ни Шустер, которому предстояло на долгое время оставить Киев, ни Университет Св. Владимира, в частности профессор зоологии Карл Кесслер, не были рады получить такие распоряжения. Отсутствие Шустера, как профессор Кесслер писал в МНП после отъезда своего препаратора, сопряжено с «весьма важным ущербом» зоологическому кабинету. Недавно приобретены «по случаю» шкуры «гираффы и других животных, уже несколько попорченные», и они «совершенно могут пропасть», если Шустер не вернется в скором времени. Кроме того, «находящиеся при этом кабинете для обучения искусству набивания животных мальчики [...], состоящие под непосредственным [...] руководством г. Шустера необходимо отстанут в обучении». Кесслер добавлял, что лесные офицеры не смогут «выучиться набивать больших животных» в столь краткий срок, и «гораздо полезнее» будет командировать их для обучения в Киев на год³⁴.

ИАН также возражала против привлечения Шустера, поскольку, как указано выше, ЗМ ИАН планировал сделать все с минимальными финансовыми затратами, используя собственный персонал. Работа таксидермиста с большим животным занимала много времени и, соответственно, была дорогой. Перевозка готового чучела представляла собой технически очень сложную и дорогостоящую операцию. Большинство возражений зоологов, однако, не были приняты во внимание: как заявил министр Киселёв, царь уже был проинформирован о работе Шустера с зубрами. Что же касается обучения лесничих, Киселёв пояснил, что Шустер должен их обучить только «искусству

снимать кожи и насыщать их против гнилости составом»³⁵, что не займет много времени. Академии наук все же удалось договориться, что Шустер не будет делать чучела для ЗМ ИАН, а только обрабатывает шкуры и кости.

В первых числах декабря 1847 г. Миддендорф получил разрешение на отстрел трех зубров и уехал в Гродненскую губернию. По прибытии в Гродно он узнал, что местная администрация назначила зубровую охоту (большую загонную охоту, на которую ожидалось влиятельные гости, в том числе и министр Киселёв³⁶) на последнюю неделю декабря. Миддендорф не мог так долго оставаться в Гродненской губернии. От одного из лесничих БП – Эрнеста фон Нольде – Миддендорф узнал о крупном самце, который вышел из Пущи и бродил в окрестностях. Такое животное представляло проблему для лесного управления – их невозможно было ни вернуть в БП, ни защитить от браконьеров за пределами Пущи³⁷. Одиноким самцам могли быть опасными – иногда они атакуют скот и телеги на дорогах. Скорее всего, Миддендорф убил именно этого бродячего зубра: в качестве места сбора одного из зубров, полученных в 1848 г., каталог остеологического отдела ЗИН указывает на окрестности Белостока³⁸. Кроме того, по возвращении в Петербург Миддендорф в своем письме к Физико-математическому отделению ИАН просил официально поблагодарить лесничего фон Нольде, так как, по словам Миддендорфа, без участия фон Нольде поездка в Гродненскую губернию оказалась бы бессмысленной³⁹. Вероятно, именно в доме фон Нольде Миддендорф обработал шкуру и скелет, как это требовалось для ЗМ ИАН, произвел некоторые «анатомические исследования» и сохранил некоторые «внутренние органы» в бочке с алкоголем⁴⁰. Шустер, которого ждали в БП к назначенной большой охоте, должен был отправить эти материалы в ЗМ ИАН, равно как шкуры и кости двух других зубров.

Шустер вместе со своим учеником выехал из Киева в Гродненскую губернию 13 декабря 1847 г. На охоте, организованной в конце декабря (некоторые источники – например, Вайко 2004 – указывают на февраль 1848 г.), должны были убить еще четырех зубров. В каталоге Остеологического отдела ЗИН указаны два зубра: первый, как уже упоминалось, был убит в западных окрестностях БП в декабре 1847 г., а второй – очевидно во

время большой загонной охоты в БП, в которой участвовали министр Киселёв и таксидермист Шустер, хотя коллектором для обоих ЗИНовских экземпляров указан Миддендорф⁴¹. Шустер отправил шкуры, кости и анатомические препараты, подготовленные для ЗМ ИАН, из Вильны 1 марта 1848 г.⁴² Третий зубр был предназначен для обменного фонда Музея, поэтому вполне понятно, что записей о нем каталог Остеологического отдела ЗИН не содержит. Сохранились, однако, *Desiderata* Гейдельбергского зоологического музея, присланные Ф.Ф. Брандту в 1848 г. В этот список, напечатанный в типографии, сделана вставка от руки: *Bos urus*⁴³.

Поездка Шустера и его помощника длилась почти полгода. Значительную часть этого времени Шустер провел в Вильне, где он готовил два чучела, заказанные МГИ⁴⁴. Судьба этих двух зубров не вполне ясна. Первый из них, вероятнее всего, был отправлен в Университет Св. Владимира в Киеве (Вайко 2004: 24)⁴⁵. Второй, возможно, оказался в Гродненской палате государственных имуществ, где хранился в так называемом Музее статистического отдела до конца XIX в., пока не был совершенно испорчен насекомыми. После этого его заменили на новый, сделанный таксидермистом П.С. Мищенко (Стариков и Перова [Starikov and Perova] 2016)⁴⁶.

ЗУБРЫ С ЦАРСКОЙ ОХОТЫ 1860 Г. И ИХ ПУТЬ ДО МУЗЕЕВ

1860 г. отмечен событием в истории БП, которое имело значительные последствия для дальнейшей судьбы зубров и Пущи – первой императорской охотой в Беловеже. Это был первый случай, когда русский царь (или любой представитель русской царской семьи) посещал БП⁴⁷. На роскошно организованной охоте с 6 по 8 октября были убиты 96 животных, в том числе 28 зубров. Кроме императора Александра II, на охоту прибыли принцы Карл и Альберт Прусские, Август Вюртембергский, Фридрих Гессен-Кассельский и великий герцог Карл Саксен-Веймарский. Чтобы запечатлеть это знаменательное событие, вместе с охотниками в Пущу приехал придворный художник русского двора Михай Зичи⁴⁸, создавший серию рисунков этой охоты ([Зичи] [Zichy] 1861). В архивах Санкт-Петербурга сохранился ряд документов, раскрывающих детали

этой охоты, непосредственно связанные с темой данной статьи. Сама же охота описана во многих публикациях (Карцов [Karcov] 1903; Daszkiewicz et al. 2012a и пр.).

Некоторые историки (см. к примеру: Anderson 2003) полагают, что Беловежская охота 1860 г. была организована для того, чтобы восстановить престиж дома Романовых, пошатнувшийся в результате Крымской войны (1853–1856). Большинство гостей Беловежи имели прочные связи с Романовыми задолго до 1860 г., но, вероятно, не стоит отказываться от мысли, что Александр II мог использовать охоту на зубра в качестве своеобразного и исключительного дипломатического подарка. Изучение же переписки между европейскими зоологами и санкт-петербургскими чиновниками позволяет предположить, что именно натуралисты могли натолкнуть царское окружение на мысль о том, что зубр может быть инструментом международной дипломатии. В конце 1850-х гг. в Санкт-Петербург поступило сразу несколько прошений о зубровых чучелах и скелетах.

В январе 1858 г. три естественно-исторических музея – Йенский, Гиссенский и Стокгольмский – обратились в Санкт-Петербург с просьбой предоставить им шкуры и скелеты зубров. Прусский посол, «опытный охотник» барон Георг фон Вертерн⁴⁹, был готов отправиться в БП за свой счет, убить трех зубров и доставить одного из них в Йену⁵⁰. В марте 1858 г. Александр II дал свое разрешение на такую охоту⁵¹. Лесной департамент МГИ отдельно указал барону фон Вертерну, что он должен привезти с собой препаратора. В июне того же 1858 г. директор Дрезденского музея Людвиг Райхенбах (Ludwig Reichenbach, 1793–1879) также попросил зубра⁵², и это разрешение также было дано. Эти четыре зубра были убиты бароном Вертерном в начале 1859 г., а шкуры и кости были обработаны Константином Никитиным, помощником препаратора ЗМ ИАН⁵³. В августе 1858 г. директор Агрономического института в Вальдау также писал о желании своего института иметь экземпляр этого редкого животного, и в сентябре это разрешение было дано⁵⁴. В августе того же 1858 г. был получен положительный ответ и на просьбу Ганноверского музея⁵⁵. В феврале 1859 г. с аналогичным запросом обратился Страсбургский музей⁵⁶. Затем с такой же просьбой обратились зоологи Фрайбургского университета⁵⁷.

Немецким принцам, приехавшим на охоту 1860 г., обещали их трофеи. Трофеи царя и его свиты должны были получить российские университеты и ЗМ ИАН, а оставшиеся предполагалось использовать для царских резиденций. Для обработки шкур и костей животных в БП был отправлен помощник препаратора ЗМ ИАН Памфил Иванов⁵⁸. Он прибыл в БП за две недели до начала охоты, чтобы обеспечить необходимую подготовку. Иванов был радушно принят в Беловеже как местными чиновниками, так и теми, кто приехал из Санкт-Петербурга. В их числе были товарищ министра государственных имуществ А.А. Зеленой и егермейстер императорского двора граф П.К. Ферзен. Почти каждый день Иванов обедал в обществе высокопоставленных лиц и получал от них бесконечные заверения в том, что он получит всю необходимую помощь и напоминания о том, что он должен будет постараться⁵⁹.

То, что последовало, можно описать только как хаос. Несмотря на все заверения, полученные Ивановым, что убитые животные будут сложены в специальное помещение, все туши остались лежать на открытом воздухе. По свидетельству Иванова почти все убитые зубры были «не завидными, среднего роста, молодыми»⁶⁰: эти высказывания Иванова подтверждают некоторые критические описания охоты (см. к примеру: N.N. 1860). Исключение представляли два зубра, на которых Александр II указал Иванову сразу после охоты со словами: «этих мне приготовьте, одного целую фигуру, а от другого одну голову». На следующий день после отъезда царя из Беловежи разъехались все чиновники, включая местных лесничих. Убитые животные оставались на том же месте, а необычайно теплая для этого времени года погода днём и проливной дождь ночью сделали ситуацию еще хуже. У Иванова, по его словам, «сердце ныло и страдало». Наконец, он «осмелился самостоятельно занять сарай [...] старшего лесничего, [...] приказал позвать старшину деревни, обругал его, как нельзя лучше, и велел собрать от всей деревни людей, убрать в сарай мокрых и искореженных животных»⁶¹. Иванов нанял нескольких крестьян и с их помощью, не всегда вполне удовлетворительной («народ такой неугомонный и непослушный, как им не говори, они скоро забывают»), полторы недели снимал шкуры. В процессе «множество людей мясо забрали и кости потолкали, и шкуры испортили»⁶². Так как Иванов

беспокоился больше всего о сохранности зубров, другие животные были испорчены еще больше.

Когда погода стала холоднее, Иванов нанял «лабораторию» – помещение в местном училище. Поначалу Иванов надеялся, что часть работ будет выполнена приписанными к местным лесничествам крестьянами, но ему пришлось оплачивать всю работу: до самого конца пребывания Иванова никто из местных чиновников не отдал соответствующих распоряжений. Иванов жаловался Вознесенскому в письмах: «за каждую мелочь, что только требуется для работы, должен платить, поставка из кольев для вешания шкур, свечи и всякая мелочь, квасцы, соль и чай, ничего в Беловеже нельзя достать даром, должен нанимать деревенскую фурманку (А.Ф.: повозку) в город [...] покупать, просто беда в Беловеже хоть с ума сойди»⁶³. Даже деньги присылала только Академия наук, но не МГИ или Министерство императорского двора (МИДв) – ведомства, казалось бы, заинтересованные в работе Иванова⁶⁴. К началу февраля 1861 г. Иванов закончил работу со шкурами и скелетами. Он упаковал все, как считал нужным, а затем переупаковал так, как ему указал управляющий Гродненской палаты государственных имуществ. Иванов подготовил часть животных для ЗМ ИАН⁶⁵, вторую – для российских университетов, третью – для императорского двора, а четвертую – для немецких князей. В конце января 1861 г. МИДв направило в МГИ одобренное царем ходатайство Фрайбургского университета о скелетах и шкурах двух зубров. Для этой цели Иванов подготовил еще два ящика.

Затем встала следующая проблема – транспортировка. Доставка тяжелых ящиков из Беловежи (каждый мог весить более сотни килограммов) была дорогой и сложной. Отправка была доверена транспортной компании из Белостока, соседнего городка. Хотя все ящики были подготовлены Ивановым еще в феврале, высланы они были только в мае и июне. Среди прочего, были отправлены комплекты для изготовления чучел (шкуры, черепа и кости ног) в российские университеты: Московский, Харьковский и Университет св. Владимира в Киеве. Предполагалось, что чучело зубра украсит и одно из зданий ведомства МГИ. Однако после того, как министр Киселёв узнал стоимость изготовления чучела⁶⁶, он распорядился отправить кости и шкуру в еще один университет. Таким образом Дерптский

университет (ныне Тарту, Эстония) также получил зубра⁶⁷.

Неразбериха на этом не закончилась. В августе 1861 г. великая княгиня Елена Павловна (принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича) сообщила в МГИ, что ее брат, принц Август Вюртембергский, и еще трое немецких принцев не получили своих трофеев Беловежской охоты. После долгой переписки между гродненскими чиновниками, транспортной компанией из Белостока и различными посредниками выяснилось, что во Фрайбургский университет были по ошибке отправлены семь ящиков вместо двух. Пять «лишних» ящиков содержали трофеи царя и четырех немецких принцев из пяти. Последние, разумеется, были крайне разочарованы. Зоологи Фрайбургского университета, со своей стороны, были удивлены, но рады получить подарок: семь ящиков содержали шкуры и кости десяти зубров, девяти кабанов, семи волков и так далее. «Посылка может назваться необыкновенно достаточной» писали из Фрайбурга в Санкт-Петербург, однако у зоологов, по их словам, не было причин предполагать, «что это собрание не назначено для нашего университета, тем более, что достаточно известно, как Российское правительство в некоторых обстоятельствах блестяще поддерживает научные стремления»⁶⁸. Фрайбургский университет немедленно нашел применение многим полученным предметам: чучело и скелет зубра были смонтированы для экспозиции, ряд других присланных животных был использован для научных и учебных целей, а одного зубра отправили в Америку в обмен на экспонаты Нового Света. РГИА хранит несколько сот страниц этой увлекательной переписки, которая длилась почти год. В итоге санкт-петербургские чиновники попросили просто отправить в русскую столицу все, что Фрайбург еще не успел использовать из пяти «чужих» ящиков. Осенью 1862 г. российский император и немецкие принцы получили свои трофеи⁶⁹.

Во время царской охоты 1860 г. были убиты 28 зубров, 15 из которых оказались в западных и российских музеях. ЗМ ИАН получил в общей сложности семь зубров. Из них летом 1861 г. были доставлены три комплекта шкур и скелетов – именно те зубры, которые Панфил Иванов с самого начала подготовил и упаковал в Беловеже для отправки в ЗМ ИАН. Остальные прибыли в

музей во второй половине 1862 г.: по-видимому, после путаницы с Фрайбургским университетом в императорской егермейстерской конторе оказались не самые достойные экземпляры, которые были забракованы дворцовыми управлениями⁷⁰. Два зубра поступили в обменный фонд ЗМ. В списке животных, предлагаемых на продажу и в обмен ЗМ ИАН, составленном И.Г. Вознесенским в 1861 г., числится «*Bos urus*, самец, 300 гульденов, отличный экземпляр, привезенный Памфилом Ивановым»⁷¹. В итоге этот зубр оказался в Париже: книга поступлений музея, хранящаяся в библиотеке MNHN, содержит указание: «Ящик с шкурой и костями *Bos urus*, отправленный г-ном Брандтом, доставлен [...] 13 мая 1862 г.» (Samojlik et al. 2018). В 1862 г. ЗМ ИАН предложил в обмен еще один экземпляр, но, вероятно, менее ценный, так как он был уступлен за 150 гульденов⁷². Черепа и скелеты других зубров с охоты 1860 г. и теперь хранятся в Остеологическом отделе ЗИН; шкуры из-за плохой сохранности не были внесены в каталог⁷³.

Хотя почти всю вторую половину XIX в. (до переезда в 1896 г. в нынешнее просторное здание напротив Дворцового моста) ЗМ ИАН очень страдал от недостатка места (Strauch 1889), однако зубр считался настолько интересным и важным экспонатом, что выставлялись сразу три взрослых животных и один теленок (Brandt 1864)⁷⁴. Сейчас одна из витрин Зоологического музея ЗИН РАН экспонирует три чучела, набитые в конце XIX в. (одного кавказского и двух беловежских). Вторая витрина представляет биогруппу (самку с двумя телятами), смонтированную М.А. Заславским во второй половине XX в. из «старого» материала. Оригинальные этикетки к этим экспонатам, к сожалению, не сохранились⁷⁵.

Из числа двух крупных зубров для Александра II, о которых Иванов упоминал в своем письме, известна судьба зубровой головы. Она украшала одну из гостиных Гатчинского императорского дворца и, как считалось ранее, была изготовлена кем-то из петербургских таксидермистов. Наиболее вероятным кандидатом считался И.Г. Вознесенский, изготовивший не одно чучело для царских резиденций⁷⁶. Однако в ходе недавней реставрации этой головы, выполненной старшим таксидермистом ЗИН РАН Ю.В. Стариковым, обнаружилось, что экспонат был изготовлен методом шитья. Этот метод был разработан братьями Керц в Штуттгарте в середине XIX в. Полагают,

что он оставался неизвестен петербургским мастерам до конца XIX в. (Заславский [Zaslavsky] 1979). Следовательно, вопрос о том, кем, где и когда именно была изготовлена эта голова, остается открытым (Стариков [Starikov] 2017).

Помощник препаратора ЗМ ИАН Памфил Иванов, который обработал по меньшей мере 70 шкур и скелетов для царя и принцев, для нескольких российских и европейских (а также в итоге и для одного американского) музеев, несколько раз писал в МИДв и в МГИ напоминания, что его пятимесячная работа в Беловеже не была оплачена, и не все его расходы были возмещены. Деньги Иванову от МИДв были выплачены только летом 1862 г. Вознаграждение не было особенно большим и равнялось годовому жалованию Иванова, довольно скромному (229 руб.) и, скорее всего, бывшему не единственным источником доходов Иванова⁷⁷.

Охоты зимы 1847–1848 и осени 1860 гг. демонстрируют множество бюрократических и логистических затруднений в получении зубров для музеев, и показывают, как много ресурсов и времени эти затруднения отнимали у натуралистов. Даже если царское разрешение на отстрел зубра было получено, охотник / зоолог должен был соблюдать ряд местных условий (например, оптимальное время для охоты на зубра ограничивалось двумя-тремя месяцами в году) и сталкивался со всевозможными трудностями – от проблем с рекрутированием таксидермиста и отношениями с местной администрацией и крестьянами до трудностей с транспортировкой. Тем не менее к 1860-м гг. значительное число естественно-научных музеев Европы уже имели чучела и / или скелеты зубров.

Эти два эпизода показывают и два разных типа охотников, посещавших в БП в XIX в. Первый тип можно назвать «охотником-натуралистом». Примером может служить А. Миддендорф, который был, как известно, не только зоологом и путешественником, но и страстным охотником (Сухова и Таммиксаар [Sukhova and Tammiksaar] 2015). Второй тип представлен аристократами, приезжавшими в БП на роскошно и удобно организованные охоты, когда дичь загонялась под выстрел, а сам процесс становился фактически стрельбой по движущимся мишеням. Такие охоты могли быть организованы как часть политических игр правящей элиты, проводимых ради подтверждения / утверждения

дения статуса хозяина охотничьих угодий или его гостя. Но и эти охотники во второй половине XIX в. отдавали должное престижу естественных наук, в результате чего аристократические охоты получали новое обоснование: их трофеи часто отправляли в научные центры, и, следовательно, они должны были служить развитию знаний и, в итоге, приносить пользу государству.

После 1860 г. интерес к зубровой охоте со стороны царской семьи был так высок, что в Пуще были приняты некоторые меры для улучшения охраны и подкормки зубра. Впрочем, казенная лесная администрация не имела ресурсов, чтобы существенно изменить положение, и в 1880-х гг. БП была выкуплена в собственность императорской семьи в качестве охотничьей резиденции царя⁷⁸.

ЗУБРЫ В МУЗЕЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Во второй половине XIX в. происходил не только количественный рост музейных естественно-исторических коллекций, но также изменялись основы их функционирования. Музеи получали новые роскошные здания, возведенные в соответствии с потребностями как науки, так и широкой публики (см., об этом к примеру: Sheets-Pyenson 1988; о здании ЗМ ИАН / ЗИН РАН см.: Слепкова [Slepko] 2001). В научные коллекции поступало все больше экспонатов от многочисленных экспедиций в отдаленные уголки мира; обмен между музеями и коллекционерами разных стран и континентов шел весьма активно, а торговля естественно-научными объектами превратилась

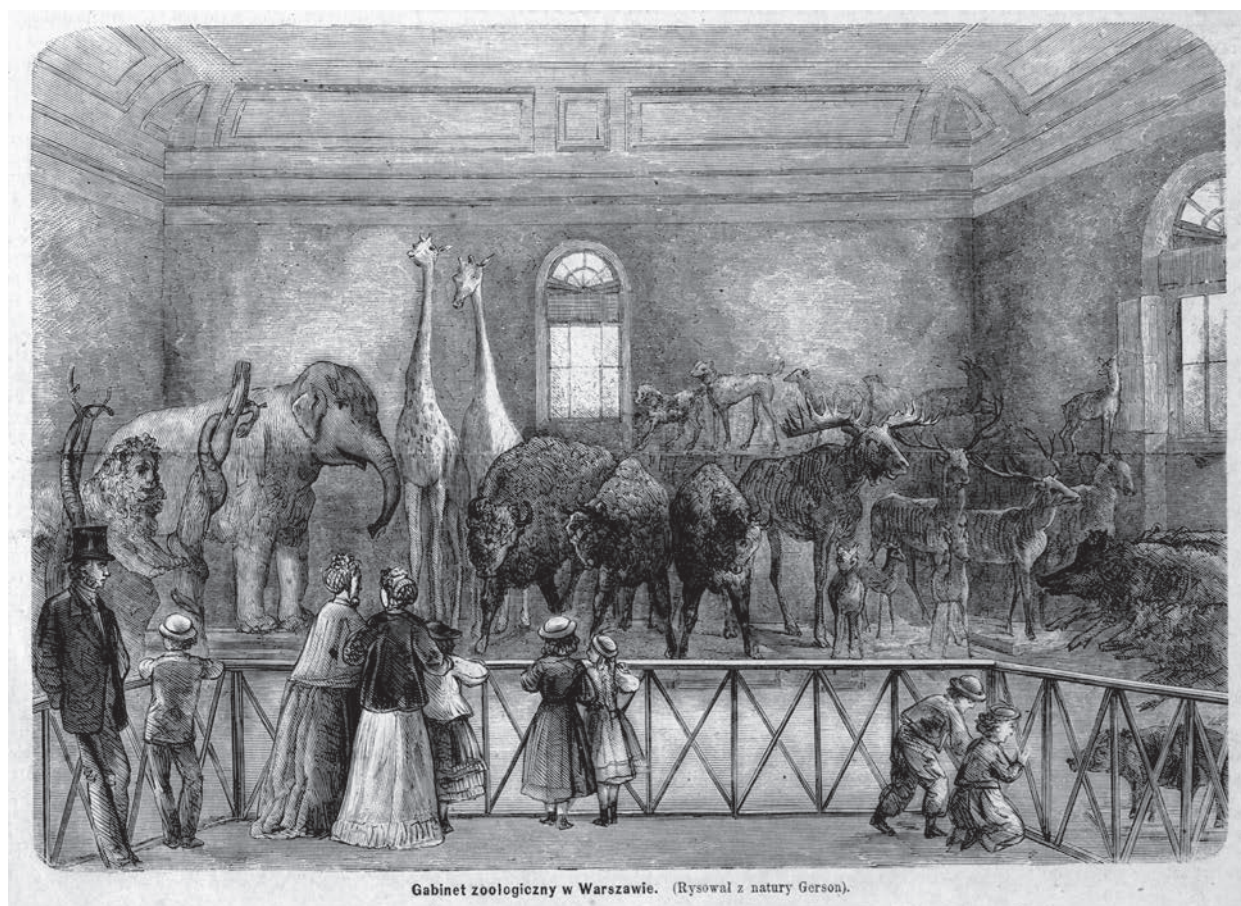

Рис. 5. «Зубры Яроцкого» в центре экспозиции Зоологического кабинета в Варшаве. Рисунок В. Герсоны (Taczanowski, 1869: 280).
Fig. 5. The "Jarocki's European bison" in the centre of exhibition at the Zoological Cabinet in Warsaw. A drawing by W. Gersona (Taczanowski, 1869: 280).

в самостоятельную отрасль коммерции. Систематика, наряду с биогеографией, были в числе самых быстро развивающихся дисциплин. Они, в свою очередь, не только стимулировали пополнение коллекций, но и помогали структурировать их в соответствии с новейшими достижениями в области таксономии.

Кардинальные изменения претерпела и основная идея экспозиции естественно-исторических коллекций. Коллекции стали делить на две части: экспозиционную – для рядовых посетителей, и исследовательскую – для специалистов. Эта модель была впервые реализована в США Луи Агассисом (1807–1873) в Музее сравнительной зоологии в Гарварде, а во второй половине XIX в. она становилась все более и более распространенной (Заславский [Zaslavsky] 1979; Nyhart 2009; Langebeek 2011; Chiozzi 2017 и др.).

В первой половине XIX столетия в некоторых музеях часть зоологических экспозиций могла продолжать идеи кунсткамер XVIII в. и была организована, скорее, по декоративному, чем по строго таксономическому принципу. Примером этому могут быть музеи в Варшаве или Дерпте (Тарту). В 1820-х гг. в Зоологическом кабинете Варшавского университета (позднее – Варшавский зоологический музей) отсутствовало крупнейшее европейское наземное млекопитающее. Получив у Николая I разрешение на отстрел двух зубров, его директор Феликс Яроцкий (1790–1865) зимой 1829–1830 г. отправился в Беловежу (Jarocki 1830). Чучела, получившие название зубров Яроцкого, экспонировались в главном зале музея, где были (и остаются) одной из его важнейших достопримечательностей⁷⁹. Изображение, опубликованное в 1869 г. в популярном издании “Tygodnik Ilustrowany”, показывает зубров в центре этого зала (Taczanowski 1869: 280). Даже более экзотические животные, такие как слон, лев или жирафы, помещены сбоку от них (Рис. 5 и 6).

Как уже упоминалось, кафедра зоологии Дерптского университета в XIX в. получала зубров дважды: в 1853 г. и после Беловежской охоты 1860 г. В наши дни в Музее естественной истории Тартуского университета, унаследовавшем эти коллекции, сохранена витрина чучел XIX в. (не все из них набиты вполне анатомически точно). Рядом стоят такие обитатели далеких стран, как антилопы, белый медведь и лев, но одно из самых удачных мест в экспозиции занимает зубр.

Рис. 6. Один из «зубров Яроцкого», выставленный в Музее Беловежского национального парка (Польша). Фото из коллекции Беловежского национального парка.

Fig. 6. One of the “Jarocki’s European bison” in the Museum of Białowieża National Park (Poland). Photo from the collection of Białowieża National Park.

Развитие новых направлений в биологических исследованиях, в числе которых – изучение внутривидовой изменчивости, филогенетических отношений и экологии животных, влекло за собой новый подход к пополнению научных коллекций. Если зоологическому музею первой половины XIX в. было достаточно иметь один-два экземпляра вида (чаще всего выбор падал на крупного самца), а остальные экземпляры могли уходить в обменный фонд, то зоологу конца XIX в. требовались уже несколько представителей – разного возраста и пола, в наряде разных времен года, с абберациями окраски, развития и так далее. Вследствие этого музеи стремились сохранять в своих фондах все доступные им экземпляры, особенно в отношении таких редких животных, как зубр. Для пополнения зубровой коллекции ЗМ ИАН большое значение имело то, что после царской охоты 1860 г. в БП охота на зубра стала одним из любимых развлечений членов царской семьи и двора. В 1880–1890-х гг. скелеты и черепа 19 зубров поступили в «исследовательскую» часть коллекции ЗМ ИАН. Большая часть материала была отправлена администрацией БП, некоторые присланы из зверинца императорской охоты в Гатчине, а один – из Санкт-Петербургского зоопарка⁸⁰.

Зарождающийся в биологии экологический подход оказывал свое влияние и на экспозиционную часть коллекций. Хотя еще Рене Реомюр (1683–1757) в своем кабинете естественной исто-

Рис. 7. Биогруппа зубров в экспозиции Зоологического музея МГУ, смонтированная в конце 1950х гг., Взрослые самец и самка набиты в конце XIX или начале XX в., теленок – в 1957 г.¹⁰⁰ Фото М. Кузиной.

Fig. 7. European bison habitat group in the exhibition of Zoological Museum of the Moscow State University made in the late 1950s. The adult animals were stuffed in the late 19th or early 20th century and the calf in 1957¹⁰⁰. Photo by M. Kuzina.

рии делал экспозиции, представляющие животных как бы в их естественной среде обитания, в первой половине XIX в. практически все научные музеи предпочитали ставить животных в стандартных позах «правильными» рядами в соответствии с их таксономическим положением. Во второй половине XIX столетия все более распространяется новый тип экспозиций, когда животных представляли в их среде обитания, рядом с другими животными и растениями из того же ландшафта – так называемые биогруппы. Последние привлекали значительное число любопытствующих, и музеи приобретали все большую популярность. Эти изменения описаны многими авторами (см. к примеру: Alexander 2008; Nyhart 2009; Winsor 2009 и пр.). Свою роль сыграло и развитие искусства так-

сидермии: в частности, подготовка таксидермиста стала включать художественное образование (см. к примеру: Заславский [Zaslavsky] 1979), и в конце XIX в. чучела монтировали с высокой степенью анатомической точности и художественной выразительности (Рис. 7).

УДЕЛЬНОЕ ВЕДОМСТВО И ЗУБРОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ

В 1888 г. МИДв выкупило БП у казны: Пуща стала удельной (частной собственностью царской семьи) и была преобразована в царскую охотничью резиденцию. В результате этого Романовы стали охотиться в Пуще значительно чаще, а число трофейных животных выросло до ранее невиданных. Например, во время охоты Николая II в 1897 г. были убиты 37 зубров, на охоте 1900 г. – 40 (Карцов [Karcov] 1903). Хотя и раньше для охот старались выбирать экземпляры, малоценные для размножения, особенно старых самцов с «дурным нравом», в 1901 г. был впервые произведен целенаправленный отстрел пяти «буйных» самцов⁸¹. В 1906 г. выбраковки «негодных и вредных» для размножения особей было предложено производить регулярно, и той же осенью для отстрела были выбраны десять старых животных⁸².

В удельный период численность охотничьей и лесной стражи была существенно увеличена, что позволяло оперативно находить животных, павших от естественных причин или убитых браконьерами. И такие туши, и туши зубров, убитых на царских охотах, нередко становились «сырьем» для музейных экспонатов. Администрация БП прилагала усилия, чтобы создать образ Пущи как местообитания зубра, находящего под покровительством царя, заботящегося не только о сохранении редкого животного, но и о просвещении. Из зубров, убитых на охоте 1897 г., по крайней мере три были отправлены в музеи: в Казанский университет, в ЗМ ИАН и в Музей графа Дзедушицкого в Львове (ныне – Государственный природоведческий музей НАН Украины)⁸³. Пять самцов, назначенных к отстрелу в 1901 г., также были отданы музеям, а в Пущу для обработки этих туш специально был приглашен Санкт-Петербургский таксидермист С.П. Мищенко⁸⁴. Запросы на музейные экспонаты удовлетворялись с готовностью, даже поступающие от довольно скромных учреждений – например, от

естественного кабинета Гродненского реального училища⁸⁵. В 1912 г. в Варшаве была организована Спортивно-промышленная выставка, и по запросу ее оргкомитета Удельное управление представило экспонаты, в том числе и чучело зубра⁸⁶.

Удельное ведомство более чем серьезно относилось к обороту предметов «таксидермического искусства», изготовленным из зубров, так как их свободная продажа могла бы стать значительным стимулом для браконьерства. В январе 1894 г. в Пуще была найдена туша самки зубра с отрезанной головой. Пушчанская стража заявила, что она столкнулась с таким впервые: раньше браконьеры никогда не оставляли мясо и шкуру. Администрация Пущи обоснованно предположила, что животное было убито по заказу, и случай расследовался со всей серьезностью. Хотя суд первой инстанции осудил только браконьера-крестьянина, удельное ведомство добилось пересмотра дела на более высоком уровне; в итоге заказчик-нотариус был также осужден⁸⁷. Надо отметить, что удельное ведомство не продавало зубровые шкуры, скелеты и черепа; оно, в крайнем случае, могло выставить счета за их обработку и пересылку. Точно так же не продавались и живые зубры: их обменивали на других животных, дарили в охотничьи парки аристократии или давали в пользование зоопаркам⁸⁸.

Между тем в некоторые годы на складах Управления Пущи скапливалось слишком много зубровых шкур, так что их дважды использовали для «практических» целей. В 1897 г. 20 шкур были пущены на ремни для удельной лесопилки, а в 1910 г. 17 шкур – на изготовление поршней (кожаных лаптей) для загонщиков на царских охотах⁸⁹. Во многих случаях зубровые туши, даже не представляющие опасности с санитарной точки зрения, уничтожали. Сознвая нерациональность такого подхода, в 1913 г. Управление Пущи предложило не дожидаться специальных запросов, а сразу обрабатывать подходящие туши животных «для жертвования в просветительные учреждения». В соответствии с этим планом таксидермисты, занимавшиеся в 1914 г. изготовлением чучел для Музея при Управлении Пущей, набили несколько зубров для будущих запросов от музеев⁹⁰.

В 1906–1908 гг. в БП работала специальная исследовательская экспедиция для изучения зубра под руководством профессора Н.М. Кулагина⁹¹, в которой участвовали зоологи разных специальностей. Два исследователя работали в БП в

течение двух с половиной лет: А.К. Мордвилко (1867–1938), энтомолог и паразитолог, потерявший из-за политических событий 1905 г. место в Варшавском университете⁹², и К.И. Врублевский (1864–1945), ветеринар, имевший амбиции в сфере «чистой» науки (см. о нём: Krasinska and Krasinski 2013b). Профессора из Москвы и академики из Санкт-Петербурга получали материал и совершали краткие поездки в Пущу: гистолог И.Ф. Огнёв, эмбриолог В.В. Заленский, морфолог Н.В. Насонов и некоторые другие. Сообщения о ходе экспедиции и ее научных достижениях освещали как специальные, так и научно-популярные журналы (Аноним [Anonymus] 1906; Огнёв [Ognev] 1907; Врублевский [Wróblewski] 1907, 1909).

Врублевский и Мордвилко собрали материал от примерно сотни зубров: некоторые были убиты на великокняжеских охотах, браконьерами или в ходе выбраковки, но большая часть поступила от павших животных. Всего в ЗМ ИАН поступили черепа, шкуры и скелеты по крайней мере от 86 зубров, а в Зоологический музей Московского университета – от более чем десятка, включая целиком замороженного самца. Число препаратов отдельных органов и тканей, зафиксированных тем или иным способом, оценить труднее, но об их разнообразии можно судить по письмам и отчетам А.К. Мордвилко, сохранившимся в архивном фонде Н.М. Кулагина⁹³.

Хотя поначалу зоологи скептически относились к планам Н.М. Кулагина по организации экспедиции⁹⁴, в итоге научное сообщество получило материал для изучения зубра во всех возможных аспектах современной зоологии: данные по их питанию и, следовательно, их влиянию на растительность и конкуренцию с другими копытными (Врублевский [Wróblewski] 1912), размножению и, следовательно, половозрастной структуре популяции, причинам смерти молодняка (Кулагин [Kulagin] 1919; Wróblewski 1927), паразитам и болезням⁹⁵, морфологическому и гистологическому строению их органов (Огнев [Ognev] 1926; Кулагин [Kulagin] 1928) и так далее. Позднее эти данные сыграли значимую роль при возвращении зубра в дикую природу.

Зоологи собрали не только «зубровый» материал: ЗМ ИАН и московские зоологи получили представителей почти всех таксонов животных из БП: млекопитающих, рептилий, амфибий, рыб, членистоногих, моллюсков, несколько групп па-

развитических и свободноживущих червей. Мордвилко и Врублевский собирали анатомический, гистологический и паразитологический материал не только по зубрам, но и по некоторым другим млекопитающим, прежде всего копытным⁹⁶. После отъезда Мордвилко один из егерей Пущи, Э.А. Барк, присылал в ЗМ ИАН шкурки и черепа млекопитающих и птиц⁹⁷.

В 1914 г. при Беловежском удельном управлении был создан музей (сейчас в этом здании располагается Беловежский филиал Института исследования леса – Instytut Badawczy Leśnictwa). В самом большом из пяти своих залов музей экспонировал био группу из трех зубров: самца, самку и теленка. К началу 1915 г. музей имел неплохую коллекцию местных млекопитающих и птиц (более 300 чучел и биогрупп), подготовленную Санкт-Петербургом таксидермистом И.П. Гудимой, специально приглашенным в Пущу. Ветеринар П.В. Заусцинский собрал коллекцию препаратов по своей специальности: внутренние органы, пораженные различными паразитами, патологии костей, прорезывание и стачивание зубов и так далее: всего 58 предметов, из них большая часть, конечно, зубровых (34)⁹⁸. К сожалению, сегодня коллекция этого музея, эвакуированного при приближении фронта летом 1915 г., считается утерянной⁹⁹. Поскольку в годы Второй мировой войны погибла большая часть коллекций Беловежского национального парка (Park Narodowy w Białowieży), сборы зубровой экспедиции Кулагина, дополненные Э.А. Барком, представляют значительную ценность.

В конце XIX – начале XX в. зоологические музеи (вместе с популярной литературой и зоопарками) сделали зубра животным, очень хорошо известным широкой публике. Удельная беловежская администрация, поддерживающая позитивный образ царской семьи как хранителя Пущи и зубра, существенно помогла тому, чтобы зубр в виде чучела, скелета или черепа попал во многие музеи, даже сравнительно скромные. Разумно предположить, что после уничтожения зубров в дикой природе [большая часть популяции была истреблена во время Первой мировой войны и послевоенного хаоса; последнюю самку убил браконьер в 1919 г. (см., к примеру, Krasinska and Krasinski 2013a)] эта популярность существенно помогла зоологам и активистам в продвижении идеи его реституции и получения соответствующего финансирования (см. об этом: De Bont 2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII – начале XX вв. беловежские зубры, сохранившиеся в БП благодаря благоприятному совпадению непреднамеренного влияния традиционных лесопользований и целенаправленных мер охраны, были предметом значительного интереса для зоологов, естественноисторических музеев и публики. Для специалистов и музеев зубр был желанным объектом из-за своего неопределенного таксономического статуса и многих других вопросов, обсуждавшихся натуралистами того времени. Широкую публику это крупнейшее из сохранившихся млекопитающих Европы привлекало как экспонат, обладавший одновременно характеристиками как «отечественного», так и «экзотического» зверя.

Развитие зоологии и естественнонаучных коллекций в XIX в. привело к тому, что зубр из дорогого подарка, которым обменивались короли и князья раннего нового времени, превратился в подарок русского царя международному научному сообществу – объект, еще более ценный с сегодняшней точки зрения. Получение российскими музеями беловежского зубра в XIX – начале XX в. из БП сопровождалось множеством логистических, организационных и бюрократических процедур, а для западных музеев – также и дипломатических. Кроме того, не вполне эффективное взаимодействие между разными ведомствами могло приводить к дополнительным сложностям. Тем не менее большая часть запросов от музеев в конечном итоге удовлетворялась, а в конце XIX – начале XX в. увлечение царской семьи охотой в БП сделало зубров более доступным объектом.

Вместе с преобразованием естественноисторических коллекций из кунсткамер и кабинетов курьезов, демонстрирующих не всегда вполне адекватно смонтированных животных, в научно-ориентированные учреждения трансформацию претерпевал и зубр как музейный экспонат. Его чучела становились анатомически точными, появлялись биогруппы, изображающие его как бы в естественных условиях, а некоторые музеи смогли собрать значительные коллекции для исследовательских целей (Рис. 8). Наличие зубров в очень многих европейских музеях сделало вид хорошо известным широкой публике. В 1919 г. последний зубр был убит в дикой природе, но огромная популярность этого вида и его слава как

Рис. 8. Черепа зубров в коллекции Института изучения млекопитающих Польской академии наук, Беловеж, фото Томаша Каминского.

Fig. 8. European bison's skulls in the scientific collection of the Mammal Research Institute, Polish Academy of Sciences, Białowieża. A photo by T. Kamiński.

легендарного зверя сделали возможной реинтродукцию животного. В противном случае вполне вероятно, что зубр пополнил бы длинный список животных, истребленных человеком.

Методы генетического анализа в последние годы вновь сделали ценными старые зоологические коллекции. Материал, взятый от зубровых черепов, скелетов и чучел XVIII – начала XX вв., вместе с материалом из фоссильных и субфоссильных костей вымерших быков был использован для изучения филогенетических связей внутри трибы Bovini, миграциях зубров и сокращении их ареала, местообитаниях, характере питания и т. д. (см. к примеру: Gautier et al. 2016; Soubrier et al. 2016; Palacio et al. 2017; Wu et al. 2018).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор искренне благодарит С.В. Крускопа (МГУ), А.В. Абрамова и Н.В. Слепкову (ЗИН) за помощь в ра-

боте с каталогами зоологических коллекций; Ю.В. Старикова (ЗИН) – за информацию о таксидермистах и зубровых чучелах в Санкт-петербургских музеях; А.В. Тихомирову и М. Кузину (МГУ) за фотографию биогруппы зубров в Зоологическом музее МГУ; П. Дашкевича (Piotr Daszkiewicz, MNHN) – за фотографию «зубра Наполеона»; А. Арцюха (ГрГУ им. Я. Купалы) и Г. Семянчука (Варшавский университет) – за документы из НИАБГ; В.В. Берсенева (РГИА) – за помощь в поиске документов о зубрах и Пуще по каталогам РГИА; А.В. Хорошилову (ГМЗ Гатчина) – за помощь в поиске источников по истории царских охот; С. Бока (Steffen Bock, Museum für Naturkunde) за данные из каталога Берлинского музея естественной истории; П. Дашкевича, Н.В. Слепкову, Т. Самойлика (Tomasz Samojlik, Instytut Biologii Ssaków PAN), М.В. Винарско-го (СПбГУ), А.В. Куприянова и М.В. Лоскутову (НИУ ВШЭ), М. Клемун (Marianne Klemun, Universität Wien) и А.А. Бондарева (Омское региональное отделение РГО) – за массу ценных комментариев и не менее ценную критику.

ЛИТЕРАТУРА

- Alexander E.P. 2008.** Museums in motion: an introduction to the history and functions of museums. AltaMira Press, Lanham, MD, 350 p.
- Anderson M.S. 2003.** The Ascendancy of Europe: 1815–1914. Routledge, London, 448 p.
- Anonymus. 1906.** European bison studies. *Lesopromyshlennyi vestnik*, **28**: 258. [In Russian].
- Baer K. 1819.** Begleichung des Schädels vom Auer mit dem Schädel des gemeinen Ochsen. In: Hagen K.G. (Hrsg.) Beiträge zur Runde Preußens, Bd. 2. Königsberg Universität, Königsberg: 234–237.
- Baer K. 1836.** Note sur une peau d'aurochs (*Bos urus*), envoyée du Caucase. *Bulletin scientifique de l'Académie Impériale des sciences de St Pétersbourg*, **1**(20): 153–156.
- Baer K. 1950.** Autobiography. AN SSSR, Leningrad, 466 p. [In Russian].
- Bajko P. 2004.** Kalendarium białowieskiego żubra. Multico Oficyna Wydawnicza, Warszawa, 172 p.
- Bocherens H., Hofman-Kamińska E., Drucker D.G., Schmölcke U. and Kowalczyk R. 2015.** European bison as a refugee species? Evidence from isotopic data on early holocene bison and other large herbivores in Northern Europe. *PLoS ONE*, **10**(2): e0115090, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0115090>
- Boeskorov G., Potapova O., Protopopov A., Plotnikov V.V., Agenbrood L.D., Kirikov K.S., Pavlov I.S., Shchelchkova M.V., Belolyubskii I.N., Tomshin M.D., Kowalczyk R., Davydov S.P., Kolesov S.D., Tikhonov A.N. and van der Plicht J. 2016.** The Yukagir Bison: The exterior morphology of a complete frozen mummy of the extinct steppe bison, *Bison priscus* from the early Holocene of northern Yakutia, Russia. *Quaternary International*, **406**: 94–110.
- Bojanus L.H. 1827.** De uro nostrate eiusque sceleto commentatio scripsit et bovis primigenii sceleto auxit. *Nova Acta Physico-Medica Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae Naturae Curiosorum*, **13**(2): 411–478.
- Brandt A.F. 1864.** Guidebook of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. Imperial Academy of Science, St. Petersburg, 79 p. [In Russian].
- Brandt F.F. 1865.** Zoological and Zootomical Museums. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk*, **7**(1): 1–35. [In Russian].
- Brincken J. 1826.** La Foret Imperiale de Białowieża en Lithuanie. Glücksberg, Varsovie, 127 p.
- Chiozzi G. 2017.** Habitat dioramas: a centuries-old voyage of discovery. *Natura*, **107**(2): 5–21.
- Cuvier G. 1812.** Recherches sur les ossements fossiles, ou l'on rétablit les caractères de plusieurs animaux dont les révolutions du globe ont détruit les espèces, t. 4. Deterville, Paris. 278 p.
- Daheur J. 2013.** Les usages identitaires de l'élan et du bison en Allemagne, en Pologne et à Kaliningrad: Étude de six sculptures monumentales de la fin du XIXe siècle à nos jours. *Trajectoires*, **7**. (<http://trajectoires.revues.org/1111>); retrieved April 1, 2018.
- Daszkiewicz P., Jędrzejewska B. and Samojlik T. 2004.** Puszcza Białowieska w pracach przyrodników 1721–1831. Wydawnictwo Naukowe Sempe, Warszawa, 215 p.
- Daszkiewicz P., Samojlik T. and Jędrzejewska B. 2012a.** Puszcza Białowieska w pracach przyrodników i podróżników 1831–1863. Semper, Warszawa, 185 p.
- Daszkiewicz P., Samojlik T. and Krasieńska M. 2012b.** Leopold Walicki's Experiments on Cross-Breeding European Bison with Cattle in the Context of 19th Century Biological Sciences. *Studies in the History of Biology*, **4**(1): 33–40.
- Daszkiewicz P. and Samojlik T. 2014.** Napoleon, Białowieża Forest and the last bison from Transylvania. *Echa Przeszłości*, **15**: 67–73.
- Daubenton L.J.-M. 1754.** Le squelette d'un aurochs. In: Buffon G.-L. Histoire naturelle, générale et particulière: avec la description du cabinet du roi, vol. XI. Imprimerie Royale, Paris: 418–425.
- De Bont R. 2017.** Extinct in the Wild. Finding a Place for the European Bison, 1919–1952. In: De Bont R and Lachmund J. (Eds). Spatializing the History of Ecology: Sites, Journeys, Mappings. Routledge, Taylor & Francis Group: 165–184.
- Dolmatov D. 1848.** Note of the capture of the aurochs (*Bos urus* Bodd.). *Proceedings of the Zoological Society of London*, **16**: 16–20.
- Edel P. and Daszkiewicz P. 2015.** Louis Henri Bojanus, le savant de Vilnius, 1776–1827. Vent d'est, Strasbourg. 64 p.
- Farber P.L. 1977.** The development of taxidermy and the history of ornithology. *Isis*, **68**(4): 550–566.
- Feklova T.Yu. 2014.** The expedition of Ilya G. Voznesensky to Russian America in 1839–1849 and the formation of the American collection in St. Petersburg Academic museums. *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum*, **2**(2): 44–69.
- Feliksiak S. (Red.) 1987.** Słownik biologów polskich. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa. 618 p.
- Gautier M., Moazami-Goudarzi K., Leveziel H., Parinello H., Grohs C., Rialle S., Kowalczyk R. and Flori L. 2016.** Deciphering the wisent demographic and adaptive histories from individual whole-genome sequences. *Molecular Biology and Evolution*, **33**(11): 2801–2814.
- Golenko M. 1935.** Muzeum of Białowieża Primeval Forest. *Vozrozhdenie*, 3609: 5 [In Russian].
- Hagen K.G. 1819.** Geschichte des Preußischen Auers nebst einer Abbildung desselben. In: Hagen K.G. (Hrsg.) Beiträge zur Kunde Preußens, Bd. 2. Königsberg Universität, Königsberg: 206–234.
- Herberstein S. 1549.** Rerum Moscoviticarum Commentarii. Adler & Kohl, Vienna, 396 p.
- Hilzheimer M. 1920.** Dritter Beitrag zur Kenntnis der Bisonten. *Archive für Naturgeschichte*, **84**(A6): 41–87.

- Hussowski M. 1523.** Carmen de statura, feritate ac venatione bisonis. Hieronymus Vietor, Kraków. 44 p.
- Jarocki F.P. 1830.** O Puszczy Białowieskiej i celniejszych w niej zwierzętach. Komisja Rządowa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, Warszawa, 52 p.
- Karcov G. 1903.** Białowieża Primeval Forest. Its historical essay, the modern hunting economy and the Highest Hunting in the Pushcha. Marks, St. Petersburg, 414 p. [In Russian].
- Kingston N., Drozd J., Rutkowska M., Wita I. and Maki L. 1992.** Redescription of *Trypanosoma [Megatrypanum] wrublewskii* Wladimiroff et Yakimoff, 1909 from the European bison, *Bison bonasus* L., from Puszcza Białowieska [Poland]. *Acta Parasitologica*, **37**(4): 163–168.
- Krasinska M. and Krasinski Z.A. 2013a.** European Bison. The Nature Monograph. Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, 380 p.
- Krasinska M. and Krasinsky Z.A. 2013b.** Konrad Wroblewski – badacz zubrow. *Parki Narodowi i Rezerwaty Prziridy*, **32**(3): 91–99.
- Kulagin N.M. 1919.** European Bison of Białowieża Primeval Forest. Moscow Research Institute, Moscow, 173 p. [In Russian].
- Kulagin N.M. 1928.** Histological structure of the bison's ovary. *Trudi nauchno-issledovatel'skogo instituta zoologii*, **2**(2): 1–71. [In Russian].
- Kutepov N.I. 1911.** Imperial hunting in Russia, the end of the 18th and 19th century. Expedition of State Papers, St. Petersburg, 226 + 289 p. [In Russian]
- Langebeek R. 2011.** L'aménagement des collections d'Histoire naturelle aux XVIIIe et XIXe siècles. *La Lettre de l'OCIM Musées, Patrimoine et Culture scientifiques et techniques*, **134**: 1–11.
- Linnaeus C. 1758.** Systema naturae per regna tria naturae, vol. 1. Salvius, Holmiae, 824 p.
- Lydekker R. 1913.** Catalogue of the ungulate mammals in the British Museum (Natural History). Vol. 1, Artiodactyla. British Museum, London, 249 p.
- Millot J. 1945.** Les bisons européens des collections du Muséum d'Histoire Naturelle. *Mammalia*, **9**(1): 1–19.
- Miloserdov D.Yu. 2016.** Catalogue of the collection of trophies of the Tsar's hunting. GDM, Moscow, 192 p. [In Russian].
- Musei Imperialis Petropolitani. 1741.** Pars Prima. Imperial Academy of Science, St. Petersburg, 755 p.
- N.N. 1860.** Z pod Białowieskiej Puszczy. *Czas* (Kraków), **271**: 1–2.
- Nyhart L.K. 2009.** Modern Nature: The Rise of the Biological Perspective in Germany. University of Chicago Press, Chicago, 423 p.
- Ognev I.F. 1926.** European bison brain research. *Memoirs of the zoological department of the Society of Amateurs of Natural History, Anthropology and Ethnography*, **17**: 1–88. [In Russian].
- Ognev S. 1907.** A trip to Białowieża Primeval Forest. *Okhotnichii vestnik*, **7**(19): 301–306. [In Russian].
- Oldfield T. 1911.** The Mammals of the tenth edition of Linnaeus: an attempt to fix the types of the genera and the exact bases and localities of the species. *Proceedings of the Zoological Society of London*: 120–158.
- Palacio P., Berthonaud V., Guerin C., Lambourdière J., Maksud F., Philippe M., Plaire D., Stafford T., Marsolier-Kergoat M.-C. and Elalouf J.-M. 2017.** Genome data on the extinct *Bison schoetensacki* establish it as a sister species of the extant European bison (*Bison bonasus*), *BMC Evolutionary Biology*, **17**: 48.
- Pallas P.S. 1769.** De Ossibus Sibiriae Fossilibus craniis praesertim Rhinocerotum atque Buffalorum, observationes. *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, **13**: 436–476.
- Pallas P.S. 1777.** Description du bufle à queue de cheval, précédée d'Observations générales sur les espèces sauvages du gros bétail. *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, **1**: 232–257.
- Roskosz T. and Empel W. 1965.** Komentarz naukowy i analiza dzela. In: Bojanus L.H. Rozwazania nad zubrem i jego koscem. (*Memorabilia Zoologica*, **14**): 147–174.
- Samojlik T. 2007.** Antropogenne przemiany środowiska Puszczy Białowieskiej do końca XVIII wieku. PhD thesis. Jagiellonian University, Kraków, 181 p.
- Samojlik T. and Jędrzejewska B. 2010.** Historia ochrony żubra w Puszczy Białowieskiej do końca XVIII wieku. In: Ochrona żubra w Puszczy Białowieskiej. Zagrożenia i perspektywy rozwoju populacji. Zakład Badania Ssaaków PAN, Białowieża: 23–32.
- Samojlik T., Daszkiewicz P. and Fedotova A. 2017.** Żubrze eksponaty z lat 1811–1914 w europejskich kolekcjach naukowych – mało znany aspekt XIX-wiecznej gospodarki łowieckiej w Puszczy Białowieskiej. *Sylvan*, **161**(4): 341–352.
- Samojlik T., Daszkiewicz P. and Fedotova A. 2018 (In press).** Żubry z paryskiego muzeum, a historia zoologii i muzeografii przyrodniczej w XVIII i XIX wieku, *Kosmos. Problemy nauk biologicznych*, **67**(4).
- Satunin K.A. 1904.** Genus 7. *Bos*. In: Turkin N.V. and Satunin K.A. (Eds.) Mammals of Russia. Kushnerov & Co, Moscow: 754–794. [In Russian].
- Serebriakov A.E. 1936.** Zoological cabinet of the Kunstkammer. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*, **9**: 69–128. [In Russian].
- Sheets-Pyenson S. 1988.** Cathedrals of science: the development of colonial natural history museums during the late 19th century. McGill-Queen's University Press, Kingston, 156 p.
- Sławiński K. 1931.** Zabiegi o pozyskanie żubrów dla muzeum zoologicznego dawnego Uniwersytetu Wileńskiego. *Archiwum Historii i Filozofii Medycyny oraz Nauk Przyrodniczych* **11**(1): 202–206.

- Slepko N.V. 2001.** On the Vasilievsky Island, opposite the Palace Bridge. Zoological Institute, St. Petersburg, 84 p. [In Russian].
- Slepko N.V. 2016.** Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg in the 19th century. Principles of exposure. *Studies in the History of Biology*, 8(1): 29–65. [In Russian].
- Soubrier J., Gower G., Chen K., Richards S.M., Llamas B., Mitchell K.J., Ho S.Y.W., Kosintsev P., Lee M.S.Y., Baryshnikov G., Bollongino R., Bover P., Burger J., Chivall D., Crégut-Bonnoure D., Decker J.E., Doronichev V.B., Douka K., Fordham D.A., Fontana F., Fritz C., Glimmerveen J., Golovanova L.V., Groves C., Guerreschi A., Haak W., Higham T., Hofman-Kamińska E., Immel A., Julien M.-A., Krause J., Krotova O., Langbein F., Larson G., Rohrlach A., Scheu A., Schnabel R.D., Taylor J.F., Tokarska M., Tosello G., van der Plicht J., van Loenen A., Vigne J.-D., Wooley O., Orlando L., Kowalczyk R., Shapiro B. and Coope A. 2016.** Early cave art and ancient DNA record the origin of European bison. *Nature Communications*, 7: 13158–13164.
- Starikov Y.V. 2017.** Restoration of hunting trophies of the Gatchina Palace. In: Materials of the scientific-practical conference: Royal hunting and recreation. (November 23–24, 2017, St. Petersburg, Gatchina). “Print-2”, St. Petersburg: 247–261. [In Russian].
- Starikov Y.V. and Perova T.L. 2016.** Taxidermist P.S. Mishchenko. Biography. In: Ionkina V.S (Comp.) The place and role of natural science museums in modern society. GDM, Moscow: 75–77. [In Russian].
- Strauch A.A. 1889.** Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences. The fiftieth anniversary of its existence. Imperial Academy of Science, St. Petersburg, 372 p. [In Russian].
- Sukhomlinov M.I. (Ed.) 1887.** Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences, vol. 4. Imperial Academy of Science, St. Petersburg. [In Russian].
- Sukhomlinov M.I. (Ed.) 1895.** Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences, vol. 8. Imperial Academy of Science, St. Petersburg. [In Russian].
- Sukhova N.G. and Tammiksaar E. 2015.** Alexander Fedorovich Middendorf. Nestor-Historia, St. Petersburg, 384 p. [In Russian].
- Taczanowski W. 1869.** Gabinet Zoologiczny w Warszawie. *Tygodnik Ilustrowany*, 3(76): 280–282.
- Vuure van C. 2005.** Retracing the Aurochs: History, Morphology and Ecology of an Extinct Wild Ox. Pensoft Publishers, Sofia, Moscow. 432 p.
- Winsor M.P. 2009.** Natural History Museums. In: Bowler P.J. and Pickstone J.V. (Eds). 19th Century Life and Earth Sciences. Cambridge University Press, Cambridge: 60–75.
- Wróblewski K. 1907.** Letters from Białowieża Primeval Forest, 1–4. *Vestnik obshchestvennoi veterinarii*, 19(1–2): 25–26; 19(7–8): 219–222; 19(14): 476–481. [In Russian].
- Wróblewski K. 1908.** European bison Trypanosome in Białowieża Primeval Forest. *Arkhiv veterinarnykh nauk*, 6: 554–556. [In Russian].
- Wróblewski K. 1909.** Letters from Białowieża Primeval Forest, 5–7. *Vestnik obshchestvennoi veterinarii*, 21(6): 286–288; 21(8): 383–386; 21(14): 364–368. [In Russian].
- Wróblewski K. 1912.** The theoretical differentiation of some ruminants on the Fruticivora and Herbivora and its practical significance. *Arkhiv veterinarnykh nauk*, 8: 746–778. [In Russian].
- Wróblewski K. 1927.** Zubr Puszczy Białowieskiej. Wydawnictwo Polskie, Poznań, 232 p.
- Wrześniowski A. 1878.** Studien zur Geschichte des polnischen Tur (Ur, Urus, *Bos primigenius* Bojanus). *Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie*, 30: 493–555.
- Wu D.-D., Ding X.-D., Wang S., Wójcik J.M., Zhang Y., Tokarska M., Li Y., Wang M.-S., Faruque O., Nielsen R., Zhang Q. and Zhang Y.-P. 2018.** Pervasive introgression facilitated domestication and adaptation in the *Bos* species complex. *Nature Ecology & Evolution* doi:10.1038/s41559-018-0562-y
- Zaslavsky M.A. 1979.** Landscapes expositions of the world’s museums. Leningrad: AN SSSR, 212 p. [In Russian].
- [Zichy M.] 1861.** The hunt in Białowieża Primeval Forest. Ministry of State Domains, St. Petersburg. 71 p. [In Russian].
- Представлена 5 февраля 2018; принята 24 апреля 2018.*

Приложение 1. Комментарии к тексту. (Endnotes)

- 1 О памятниках зубру, подчеркивающих его «дикий» вид и изображающих охоту на него см.: Daheur 2013.
- 2 Анализ дискуссий XVIII–XIX вв. о том, какой именно вид быка фигурировал в работах ранних авторов под тем или иным названием – oeros, wisent, Ur, Auer(ochs), tur, zubr и пр. – не входит в задачи данной статьи. Об этом см. к примеру: Vuure 2005, особ.: 83–87.
- 3 См. также: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48; Д. 54. Л. 148–152.
- 4 Пожар 1747 г. уничтожил значительную часть этнографических коллекций Кунсткамеры, а многие чучела оказались испорчены копотью и сажей (Сухомлинов [Sukhomlinov] 1895). Кроме того, у чучела, изготовленного в первой половине XVIII в., было немного шансов сохраниться до нашего времени: обработка шкур мышьяковым мылом, существенно удлинившая срок жизни чучел, была предложена только в 1750-х гг. (Farber 1977, Заславский [Zaslavsky] 1979).
- 5 Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБГ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
- 6 Копии этого указа можно найти во многих делах, относящихся к управлению БП первой половины XIX в.

- см., например: РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 7. Л. 1; он также цитируется во многих работах по истории БП, см., например: Карцов [Karcov] 1903: 41.
- 7 РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 7. Л. 4, 12–13, 18, 19, 22–25, 32–33; НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Л. 40, 41, 57–59. Со второй половины XIX в. туши павших зубров, впрочем, успешно использовались для изготовления музейных экспонатов.
 - 8 Ludwig Wojanus (1776–1827) – немецкий натуралист, большая часть карьеры которого связана с Виленским университетом. См. о нём: Edel and Daszkiewicz 2015.
 - 9 РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 940. Л. 1–2.
 - 10 Henryk Laurman (ок. 1786–1855) – прозектор, препаратор Виленского университета; помощник Л. Боянуса, а затем Э. Эйхвальда (Felisiak 1987: 320).
 - 11 РГИА. Ф. 379. Оп. 4. Д. 940. Л. 7–8.
 - 12 См. также: НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2555. Л. 9, 16–20, 22, 24.
 - 13 НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2555. Л. 1–3.
 - 14 См. также: НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2555. Л. 4.
 - 15 Вероятно, интерес генерала Розена к кавказскому зубру не случаен: в 1830–1831 гг. он принимал участие в военных действиях против Польского восстания, в том числе в окрестностях Беловежской пущи. Неполная шкура, присланная Розеном, хранится в ЗИН РАН и отмечена в каталоге как типовой экземпляр подвида *B. bonasus caucasicus*.
 - 16 Статья 1836 г. была не первой публикацией Карла Бэра о зубре: его сестра, Луиза Шарлотта, была женой Карла Гагмана, обер-форштмейстера Гродненской губернии в 1810-х гг. От Гагмана Бэр, еще работая в Кёнигсберге, получал «некоторые сведения» о зубрах и даже один череп (Бэр [Baer] 1950: 244). В 1819 г. Бэр опубликовал небольшую заметку, где сравнил череп зубра с черепом домашнего быка (Baer 1819).
 - 17 РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. Л. 31–32. Август Шустер был препаратором зоологического кабинета Виленской медицинской академии. Когда в 1842 г. Академия была перемещена в Киев в качестве медицинского факультета Университета св. Владимира, Шустер переехал вместе с ней и коллекциями. Там он продолжил свою работу, став незаменимым помощником профессора зоологии Карла Кесслера.
 - 18 РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 113.
 - 19 НИАБГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2555.
 - 20 Александр фон Миддендорф (1815–1894) – натуралист и путешественник, член ИАН в Санкт-Петербурге, составивший себе имя экспедицией на Север и Восток Сибири. Наиболее полную его биографию см.: Сухова и Таммиксаар [Sukhova and Tammiksaar] 2015.
 - 21 Федор Федорович Брандт (Johann Friedrich von Brandt, 1802–1879) – зоолог и зоогеограф, первый директор ЗМ ИАН (1831–1879). О ЗМ ИАН во время директорства Ф.Ф. Брандта см. к примеру: Брандт [Brandt] 1865; Штраух [Strauch] 1889; Слепкова [Slepko] 2016. Написание обстоятельной биографии Брандта и анализ его деятельности как директора ЗМ ИАН, впрочем, еще остаются задачей для будущих историков.
 - 22 СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 18. Л. 45–46. Второй скелет буйвола был получен ЗМ ИАН в конце 1849 г. (там же. Л. 19, 11). В середине XIX в. буйвола относили к роду *Bos*, и в переписке речь идет о *B. bubalus*. В настоящее время – род *Bubalus*.
 - 23 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1847. Д. 9. Л. 1.
 - 24 См. также: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1862. Д. 8. Л. 38–53.
 - 25 Брандт как глава ЗМ ИАН организовал обмен и торговлю зоологическими экспонатами с европейскими музеями напрямую и через посредников, например, через компанию Г.А. Франка в Амстердаме. ЗМ ИАН также выступал посредником для многих российских натуралистов – Г.С. Карелина, Н.А. Северцова, Г.И. Радде и др. (СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 3–45).
 - 26 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1847. Д. 9.
 - 27 Там же. Л. 4.
 - 28 Сейчас – Университетская набережная, 5/2.
 - 29 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1847. Д. 9. Л. 4–4об. О Шрадере и других препараторах ЗМ ИАН, в том числе Г.И. Вознесенском или П. Иванове см.: Штраух [Strauch] 1889; Заславский [Zaslavsky] 1979.
 - 30 В этот список надо добавить двух зубров Горного института. Первый скелет подготовил прозектор Виленской Медико-хирургической академии Э. Мирам летом 1837 г. Второй зубр был получен из БП в 1838 г. Препаратор ЗМ ИАН Е.И. Шрадер набил чучело и смонтировал скелет к весне 1839 г. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4608).
 - 31 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1847. Д. 9. Л. 5.
 - 32 РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 653. Л. 8–9, 31–32.
 - 33 Там же. Л. 24–25.
 - 34 Там же. Л. 31–32.
 - 35 Там же. Л. 35–36.
 - 36 Карцов ([Karcov] 1903: 58) упоминает участие Киселёва в охоте зимой 1847–1848 гг., однако нам пока не удалось найти документов, проливающих свет на детали этой поездки.
 - 37 НИАБГ. Ф. 1. Оп. 21. Д. 567.
 - 38 Городок к западу от БП.
 - 39 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1847. Д. 9. Л. 17–18.
 - 40 Половые органы, органы дыхания и слуховой аппарат (Там же).
 - 41 Номера по каталогу остеологического отдела ЗИН: 103 (зубр, убитый в окрестностях Белостока) и 1870.
 - 42 Миддендорф получил эти ящики в Санкт-Петербурге 20 марта 1848 г. Их общий вес составил более 900 кг (СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 18. Л. 21).
 - 43 СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 18. Л. 48.
 - 44 СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1847. Д. 9. Л. 27–28. Имеются указания, что Шустер был опасно ранен во время охоты (Вајко, 2004: 24; этот автор, к сожалению, не указывает источников своих данных), и в Вильно он мог лечиться.
 - 45 Как сказано выше, Вајко не приводит источников своих данных. Его сведения о другой зубровой охоте Шустера в начале 1849 г. для Университета св. Владимира в Киеве (Вајко 2004: 25) подозрительно напоминают детали охоты зимы 1847–1848 г. и, очевидно, являются ошибочными.
 - 46 См. также: РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Д. 181.
 - 47 У Александра II в его бытность цесаревичем был шанс поохотиться в БП. Весной 1849 г. предполагалось, что на время маневров главной квартирой наследника будет г. Гродно. По этому поводу Гродненская палата государственных имуществ просила у Лесного департамента МГИ средства на постройку гостевого дома для охотников, на введение в БП новой штатной должности обер-егеря и некоторые другие расходы по устройству охоты (РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 22855. Л. 175–176, 185–186); планы эти, впрочем, остались нереализованными.

- 48 Михай Зичи (1827–1906) – рисовальщик и живописец венгерского происхождения, работавший значительную часть своей жизни в Российской империи. В 1859–1873 гг. и затем вновь с 1880 г. он занимал пост придворного художника.
- 49 Georg von Wertern (1816–1895).
- 50 РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21761. Л. 1–4.
- 51 Там же. Л. 5.
- 52 Дрезденский музей получал зубра в подарок от Николая I, но этот экземпляр погиб в пожаре 1848 г. (Там же. Д. 21761).
- 53 Там же. Л. 12, 13, 16, 20, 43.
- 54 Там же. Д. 21767. Скорее всего, имеется в виду *Landwirtschaftliches Institut*, основанный 1858 г. в Вальдау (Waldau), недалеко от Кёнигсберга.
- 55 Зубр для Ганновера был убит в феврале 1860 г. Там же. Д. 21761. Л. 26–31, 45.
- 56 Там же. Л. 32–33.
- 57 Там же. Д. 23602. Л. 1. Строго говоря, фрайбургский запрос пришел уже после охоты – в январе 1861 г.
- 58 Препаратором ЗМ ИАН с 1849 г. был И.Г. Вознесенский (1816–1871), см. о нем к примеру: Феклова [Feklova] 2014. В Архиве Академии наук сохранились несколько писем Иванова Вознесенскому, благодаря чему у нас есть подробности о работе Иванова в Пуще (СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 30. Л. 61–62; Д. 31. Л. 53–57).
- 59 Там же. Д. 30. Л. 61–62.
- 60 Там же. Л. 61.
- 61 Там же. Л. 61об.
- 62 Там же. Л. 62.
- 63 Там же. Л. 62.
- 64 Там же. Д. 31. Л. 53–54.
- 65 Иванов просил для ЗМ ИАН пять шкур и скелетов зубров, пять оленей, четырех косуль, четырех кабанов, пяти волков, двух лисиц, двух барсуков и «и для сравнения видоизменений, четырех зайцев» (Там же. Л. 53об). Министр государственных имуществ разрешил взять для ЗМ ИАН только по два экземпляра каждого вида и одного барсука (Там же. Л. 54). Иванов попытался получить для ЗМ ИАН и других местных животных (например, лосей), но, как ему объяснили, «в Беловеже наблюдается строгость, почему нет доступа к стрельбе» (Там же. Л. 56об). Тем не менее Иванову удалось достать семь видов птиц, но неясно, добыл ли он их сам, или через местных лесничих (Там же. Л. 30об). В «Общей переписи Естественно-Историческим Предметам, поступившим в ЗМ ИАН в продолжение 1861 г.», составленной И.Г. Вознесенским 17 янв. 1862 г., в разделе «Млекопитающие в шкурах» значится: «От Высочайшей охоты, произведенной в Беловежской Пуще, приобретено для Зоологического музея ИАН три экземпляра Зюбров (*Bos urus*) и прочих разных зверей препарации Памфила Иванова – шесть родов, девять видов, 14 экземпляров»; в разделе «Птицы»: «Из Беловежской пуши птиц (обыкновенных), привезенных препаратором Памфилом Ивановым, – семь родов, семь видов, 14 экземпляров» (Там же. Л. 30–30об).
- 66 675 руб. К примеру, жалование приват-доцента Лесного института (института, подведомственного МГИ) составляло 1200 руб. в год.
- 67 РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23602. Л. 29–41. Это был второй зубр для Дерптского университета. Первый был получен в 1853 г. (Vajko 2004; Samojlik et al. 2017).
- 68 Письмо директоров Зоологического и Зоотомического кабинетов Александра Эккера (Alexander Ecker, 1816–1887) и Отто Функе (Otto Funke, 1828–1879) русскому консулу 10 января 1862 г. (РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23602. Л. 107–108).
- 69 РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23602. Л. 98, 103–136.
- 70 СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 32. Л. 2об., 8.
- 71 Там же. Д. 31. Л. 11; Д. 30. Л. 141.
- 72 Там же. Д. 32. Л. 101.
- 73 Там же. Д. 32. Номера по каталогу Osteологического отдела ЗИН РАН: 1806, 1809, 1810, 1811 и, вероятно, 7269.
- 74 Всех прочих чучел быков в экспозиции было четыре: дикий и домашний яки, зебу и американский бизон (Брандт [Brandt] 1864).
- 75 Сообщение старшего таксидермиста ЗИН Ю.В. Старикова. Телята часто гибли и в зверинце Гатчинской императорской охоты (в котором зубров содержали с 1850-х гг.) и в Беловежском зверинце, созданном после царской охоты 1860 г.
- 76 См. к примеру: РГИА. Ф. 478. Оп. 3. Д. 1885.
- 77 Известно, что таксидермисты ЗМ ИАН брали много сторонних заказов. Например, уже вышеупомянутую работу по набивке зубра, предполагавшегося для МГИ, они оценили в 675 руб. СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 32. Л. 82; РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 23602. Л. 76–77, 118–120, 123–124, 132, 134, 138–139.
- 78 Карцов [Karcov] 1903. См. также: РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3415, 3416; Оп. 66. Д. 2160.
- 79 На протяжении нескольких лет их экспонировали в Музее Беловежского национального парка (Беловеж), а теперь снова вернули в Варшаву (Muzeum i Instytut Zoologii Polskiej Akademii Nauk).
- 80 Каталог остеологического отдела ЗИН РАН; РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 2853. Для сравнения: Берлинский музей естественной истории, *Museum für Naturkunde* к 1920 г. имел 16 экспонатов *B.b. bonasus*: шесть из них поступили из Берлинского зоопарка, семь – из БП (Hilzheimer 1920). Из последних семи зубров шесть экземпляров поступили во время немецкой оккупации БП: 1915 и 1917 гг. (номера по каталогу: 22072, 22074, 22076, 22077, 22078 и 27912). Британский музей естественной истории, *British Museum (Natural History)* к 1913 г. имел скелет и чучело (45.10.13.1 и 45.10.13.2), подаренные Николаем I в 1845 г., и теленка неизвестного происхождения (Lydekker 1913: 36).
- 81 РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4351. Л. 20.
- 82 Там же. Оп. 80. Д. 406. Л. 172, 175–178.
- 83 Там же. Оп. 42. Д. 3609. Л. 68.
- 84 Там же. Д. 4351. Л. 28–29, 39, 45.
- 85 Фактически училище получило даже две зубровые туши и смогло изготовить как чучело, так и скелет. (Там же. Оп. 80. Д. 1068. Л. 159–160, 204–205).
- 86 Там же. Оп. 70. Д. 240.
- 87 Там же. Оп. 39. Д. 635.
- 88 В 1899 г. герцог Бэдфорд (Herbrand Russell, Duke of Bedford) обменял зубров на американских бизонов. Австрийский император, получив в 1903 г. в подарок зубров, прислал в БП оленей (РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 4150. Л. 36–40, 67–71, 86–87, 90–94, 99, 100; Оп. 80. Д. 172. Л. 46–47, 64, 72, 81–82, 135, 147; Д. 1068. Л. 116–117, 192, 197;)
- 89 РГИА. Ф. 515. Оп. 42. Д. 3609. Л. 58–59; Оп. 80. Д. 897. Л. 149–150. На приводные ремни были пушены шкуры миллионов американских бизонов, истребленных во второй половине XIX в.

- 90 РГИА. Ф. 515. Оп. 70. Д. 300; Оп. 80. Д. 1194.
- 91 Николай Михайлович Кулагин (1860–1940) – специалист по прикладной зоологии, с 1895 г. – профессор зоологии Московского сельскохозяйственного института. Об организации экспедиции и публикации ее результатов см.: РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 409; Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 445. Оп. 1. Д. 168; Оп. 2. Д. 193, 194, 198, 199; Оп. 3. Д. 395, 740 и другие дела из фонда Кулагина (АРАН. Ф. 445).
- 92 Обстоятельства своего вынужденного отъезда из Варшавы Мордвилко описывал в письмах к Кулагину в мае 1906 г. (АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 194. Л. 90–93, 95).
- 93 АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 194, 198, 199; НА ЗИН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 13–21; Каталог сектора териологии Зоологического музея МГУ; Каталог остеологического отдела ЗИН РАН.
- 94 Академик В.В. Заленский в октябре 1905 г. предполагал, что шансов организовать экспедицию, особенно за счет МИДв, немного, о чём и писал Кулагину: «Что касается зубра, то этого предмета касаться мудрено. Они принадлежат придворному ведомству, питаются [...] на дворцовый счет, а Вы сами понимаете, что это обстоятельство щекотливое. Около зубров кормится много народу, которому не выгодно, что кто-нибудь стал совать свой нос» (АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 395. Л. 14).
- 95 А.К. Мордвилко собрал 360 банок паразитических червей и провел несколько месяцев, обрабатывая их в ЗМ ИАН (АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 194. Л. 57–62; Научный архив ЗИН РАН; далее – НА ЗИН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 24). Хотя Мордвилко не закончил работу по этой теме, монография Н.М. Кулагина ([Kulagin] 1919) включает небольшую главу, написанную на основе черновика Мордвилко 1912 г. (АРАН. Ф. 445. Оп. 1. Д. 168. Л. 162–165; О работе Мордвилко с паразитами, собранными в Пуще, см. также: АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 740. Л. 2–20). К.И. Врублевский собирал, в числе прочего, и паразитические микроорганизмы. Его коллеги описали на этом материале новый вид паразитических простейших, признаваемый сейчас валидным: *Trypanosoma wrublewskii* Wladimiroff et Yakimoff, 1909 (Врублевский [Wróblewski] 1908; Kingston et al. 1992).
- 96 НА ЗИН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 13–21; Каталог остеологического отдела ЗИН РАН; Каталог сектора териологии Зоологического музея МГУ; АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 194, 196.
- 97 НА ЗИН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 27–29.
- 98 См. Голенко [Golenko] 1935; РГИА. Ф. 515. Оп. 70. Д. 300.
- 99 Коллекция музея некоторое время хранилась в Нескучном дворце (РГИА. Ф. 515. Оп. 70. Д. 424). В первые советские годы большая часть эвакуированного из Пущи удельного имущества была возвращена в Беловеж, но некоторые трофеи царских беловежских охот недавно были найдены в Дарвиновском государственном музее (Милосердов [Miloserdov] 2016).
- 100 Книги поступления коллекций Зоологического музея МГУ.